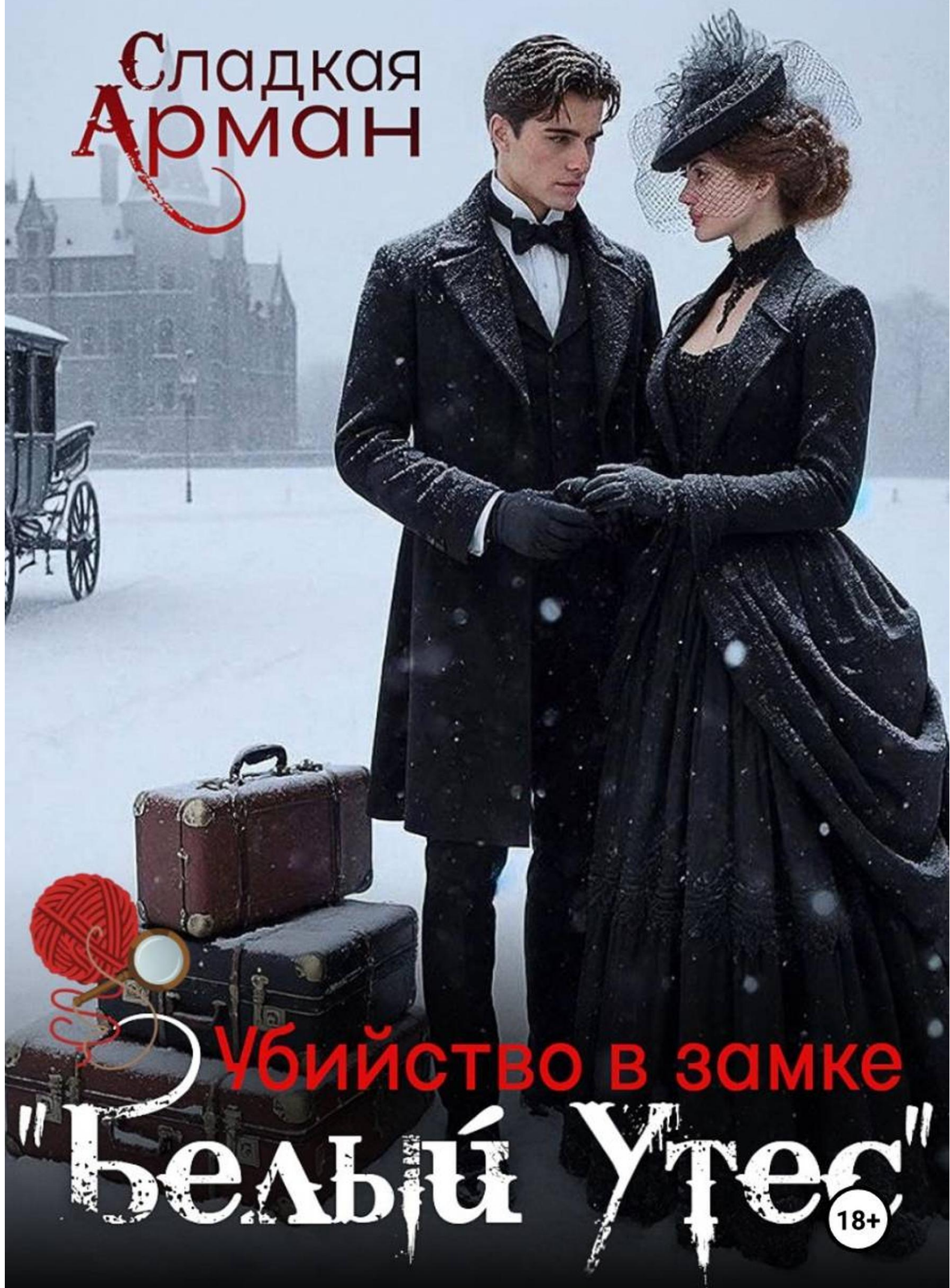

Сладкая
Арман

Убийство в замке

"Бельи́ Утес"

18+

Сладкая Арман

Убийство в замке "Белый утес"

«Автор»

2026

Сладкая Арман

Убийство в замке "Белый утес" / Сладкая Арман — «Автор»,
2026

Замок «Белый Утёс», отрезан от мира свирепой метелью. Богатый коллекционер собирает в своём поместье гостей. Среди них — писатель откровенных романов скрывающийся под женским псевдонимом, разорившийся племянник, спиритуалистка с таинственной спутницей, бравый капитан с тёмным прошлым, учёный-доктор и молодая вдова, ищущая правду о смерти мужа. В первую же ночь хозяина находят мёртвым в кабинете с кинжалом в груди — орудие из его же зловещей коллекции. Когда метель заваливает подъездной путь и рвёт телефонную линию, изоляция становится абсолютной. А следующая смерть, пришедшая за кем-то из запертых в стенах, ясно даёт понять: убийца — один из них. Подозрения, страх и старые тайны разрывают избранное общество на части. Расследование начинает писатель, ему помогает неожиданный союз с молодой и проницательной вдовой. Но чем ближе они подбираются к разгадке, тем очевиднее: в «Белом Утёсе» хранится нечто более страшное, чем призраки, а цена правды может оказаться равна цене жизни.

© Сладкая Арман, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сладкая Арман

Убийство в замке "Белый утес"

Глава 1

Детектив

Зимний экспресс

Метель начала свирепствовать еще за час до того, как я ступил на платформу вокзала Ватерлоо. Мне казалось, это дурное предзнаменование - отправляться в глушь Корнуолла в такую погоду, но отказ от приглашения сэра Эдмунда Вентворта был невозможен. Коллекционер и эксцентрик, он славился тем, что никогда не прощал пренебрежения к своей персоне. А мне, честно говоря, было необходимо исчезнуть из Лондона на некоторое время.

Кондуктор в ливрее железной дороги взял мой чемодан, кивнув в сторону вагона первого класса.

- Последний поезд до Пензанса, сэр. Дальше - только на лошадях, если дороги не замело совсем.

Я поблагодарил его и вошел в теплый, пахнувший кожей и угольным дымом салон. Внутри было почти пусто - лишь пожилая пара в дальнем углу и одинокая женская фигура у окна. Я выбрал место напротив нее, устроившись так, чтобы видеть и дверь, и своих попутчиков.

Только опустившись в кресло, я позволил себе рассмотреть женщину. Лет тридцати двух, не больше. Черное дорожное платье строгого покроя, но сшитое так искусно, что обрисовывало каждую линию тела без малейшей вульгарности. Шляпка с короткой вуалью, скрывавшей верхнюю часть лица, оставляя на виду только решительный подбородок и губы, которые, казалось, вот-вот тронет насмешка. Она смотрела в окно, где снежные хлопья уже превращались в сплошную белую пелену.

Поезд тронулся с характерным шипением и стуком колес. Я вынул из кармана томик По, но читать не мог - мысли возвращались к лондонскому кабинету, к письму от издателя, к той статье в «Морнинг Пост», где с ханжеским негодованием разоблачался «скандальный успех женских романов некой Амелии Грей». Никто, конечно, не знал, что за этим псевдонимом скрываюсь я, Джеймс Эббот, тридцативосьмилетний холостяк с репутацией легкомысленного джентльмена, прожигающего наследство. Если бы узнали...

- Вы, кажется, не разделяете общего восхищения зимними пейзажами.

Ее голос заставил меня вздрогнуть. Низкий, бархатный, с легкой хрипотцой, будто от долгого молчания. Она не повернулась, продолжая смотреть в окно, но явно обращалась ко мне.

- Напротив, - я отложил книгу. - Просто считаю, что зимняя красота обманчива. Под снегом скрывается грязь, а под льдом - опасность.

Наконец она повернула голову. Вуаль теперь не скрывала ее глаз - серых, почти стального цвета, с невероятной глубиной. В них читался ум, наблюдательность и что-то еще... боль? Осторожность?

- Философская позиция для человека, читающего Эдгара По в разгар метели, - заметила она. - Не находите, что это немного... театрально?

Я почувствовал, как уголки моих губ дрогнули в улыбке.

- А разве вся наша жизнь не театр? Особенно когда отправляюсь в гости к незнакомым людям в захолустье Корнуолла.

Ее брови чуть приподнялись.

- Вы тоже едете в замок «Белый утес»?

- К сэру Эдмунду Вентворту, - кивнул я. - Джеймс Эббот, к вашим услугам.
Она на мгновение задумалась, будто решая, стоит ли называть свое имя.

- Вивиан Локхарт, - наконец сказала она. - Вдова.

Последнее слово прозвучало не как констатация факта, а как предупреждение. Не спрашивайте. Не лезьте. Не пытайтесь.

- Прошу прощения за вашу утрату.

- О, не стоит, - она махнула рукой в черной перчатке. - Прошло уже два года. Время лечит, как говорят. Хотя я подозреваю, что это время просто притупляет память, а не исцеляет.

Разговор обещал быть интересным. Не часто встретишь женщину, способную на такую откровенность с незнакомцем.

- Вы давно знакомы с сэром Эдмундом? - спросил я.

- Совсем не знакома. Меня пригласили как специалиста - я должна оценить медицинскую часть его коллекции. Мой покойный муж был хирургом, и я... помогала ему в некоторых исследованиях.

В ее голосе прозвучала гордость, быстро подавленная. Женщина, интересующаяся медициной, - это было почти так же скандально, как мужчина, пишущий женские романы.

- А вы, мистер Эббот? Коллекционер? Любитель древностей?

- Скорее наблюдатель, - уклончиво ответил я. - Меня интересуют... люди. Их мотивы, страхи, тайны.

- Как у детектива, - заметила она, и в ее глазах мелькнула искорка.

- Нет, - я поспешно покачал головой. - Просто праздный интерес джентльмена, у которого слишком много свободного времени.

- Странно, - она наклонилась немного вперед, и я уловил тонкий аромат лаванды и чего-то еще, пряного и теплого. - У вас совсем не вид человека, убивающего время. Скорее, вид того, кто сам бежит от времени.

Ее пронизательность была почти пугающей. Я откинулся на спинку кресла, пытаюсь сохранить беззаботное выражение лица.

- Миссис Локхарт, вы заставляете меня почувствовать себя открытой книгой.

- О, вряд ли, - она улыбнулась впервые - губы приподнялись лишь слегка, но этого хватило, чтобы преобразить все ее лицо. - Скорее, книгой с запечатанными страницами. Интересно, что нужно сделать, чтобы их открыть.

В этот момент поезд резко затормозил, заставив нас обоих схватиться за поручни. За окном по-прежнему бушевала метель, но теперь мы явно стояли посреди ничего. Через минуту в вагон вошел кондуктор, его лицо было бледным.

- Прошу прощения за беспокойство, леди и джентльмены, - объявил он. - Дальнейшее движение невозможно. Пути занесло снегом впереди, а мост у Сент-Айвза проверяют на устойчивость. Мы вынуждены сделать остановку.

В вагоне повисло напряженное молчание. Пожилый джентльмен у окна пробормотал что-то о безответственности железнодорожных компаний.

- Надолго? - спросил я.

- Не меньше чем на несколько часов, сэр. Возможно, до утра.

Миссис Локхарт обменялась со мной взглядом. В ее глазах читалось то же, что и у меня: предчувствие, тревога, странное возбуждение.

- А до поместья «Белый утес» далеко? - спросила она.

Кондуктор покачал головой.

- Пешком в такую погоду - смертельно, мэм. Но я слышал, от станции должны были прислать экипаж для гостей сэра Вентворта. Если кучер решился ехать...

Как будто в ответ на его слова, снаружи раздался звук колокольчика и скрип полозьев. Я прильнул к окну, протирая запотевшее стекло. Сквозь снежную завесу едва можно было

разглядеть темный силуэта крытых саней, запряженных парой могучих лошадей. На козлах сидел человек в огромной медвежьей шубе.

- Кажется, это наш транспорт, - сказал я, чувствуя странную смесь облегчения и беспокойства.

Мы собрали вещи под испуганные взгляды других пассажиров. Кондуктор помог нам выйти на заснеженную платформу, где ветер буквально сбивал с ног. Холод пронизывал до костей, несмотря на теплую одежду.

Кучер, грузный мужчина с обветренным лицом и маленькими, скрытыми под нависшими бровями глазами, кивнул нам.

- Вы гости сэра Вентворта? - прокричал он сквозь вой ветра.

- Да! - крикнул я в ответ, помогая миссис Локхарт подняться в сани.

- Садитесь, тогда. До замка - час езды, если проедем.

Последние слова прозвучали злоеще, но выбирать не приходилось. Я устроился рядом с Вивиан, и кучер накрыл нас тяжелым меховым одеялом. Сани тронулись, погружаясь в белую мглу.

Первые минуты мы молчали, прислушиваясь к завыванию ветра и тяжелому дыханию лошадей. Внутри саней было темно, только скудный свет фонаря, качавшегося на дуге, бросал прыгающие тени.

- Вы не боитесь? - наконец спросила Вивиан, ее голос прозвучал странно близко в тесном пространстве.

- Боюсь ли я метели или того, что нас ждет в конце пути?

- И того, и другого, пожалуй.

Я повернулся к ней. В полумраке ее лицо казалось бледным призрачным овалом, только глаза светились каким-то внутренним огнем.

- Меня учили, что страх - плохой советчик, - сказал я. - Но осторожность - напротив.

- Мудро, - она кивнула. - Мой муж часто повторял нечто подобное. Правда, это не спасло его.

В ее голосе снова прозвучала та боль, которую я уловил ранее. На этот раз я не смог удержаться от вопроса.

- Как он умер?

Тишина затянулась так долго, что я уже решил, что она не ответит.

- Считается, что от сердечного приступа, - наконец сказала она так тихо, что я едва разобрал слова сквозь вой ветра. - Но я всегда сомневалась. Он был слишком... здоров. И слишком много знал о ядах, чтобы не заметить симптомы.

Лед пробежал у меня по спине. Не от холода.

- Вы считаете, его убили?

Она резко повернулась ко мне, и в ее взгляде вспыхнул огонь.

- Я считаю, что некоторые истины лучше оставлять похороненными, мистер Эббот. Как и некоторых людей.

Больше она не сказала ни слова до конца пути. Я сидел, обдумывая ее слова, чувствуя, как тайна, окружающая эту женщину, становится частью общей тревожной атмосферы этого вечера.

Сани вдруг резко свернули, и перед нами выросла темная громада. Замок «Белый утес» оправдывал свое название - он стоял на краю обрыва, его башни и стены, покрытые снегом и льдом, сливались с бурей, будто часть самой стихии. Лишь несколько окон светились тусклым, недружелюбным желтым светом.

Ворота были открыты. Мы въехали во внутренний двор, где сани остановились у массивной дубовой двери с железными скобами. Дверь открылась еще до того, как мы успели выйти.

На пороге стоял высокий, худощавый мужчина в безупречном черном костюме. Его лицо было непроницаемым, глаза смотрели на нас без всякого выражения.

- Миссис Локхарт. Мистер Эббот. Добро пожаловать в «Белый утес». Я Грейвз, дворецкий. Сэр Эдмунд ожидает вас к ужину.

Его голос был сухим и безжизненным. Он шагнул назад, пропуская нас внутрь.

Холл замка был огромен и мрачен. Высокие сводчатые потолки терялись в темноте, лишь несколько факелов в железных держателях бросали дрожащий свет на каменные стены, украшенные охотничьими трофеями и старыми, почерневшими от времени портретами. Воздух пах сыростью, дымом и чем-то еще - может быть, плесенью, а может, и вовсе не тем, что хотелось бы знать.

- Остальные гости уже прибыли, - сообщил Грейвз, принимая наши плащи. - Они собрались в библиотеке. Если позволите, я провожу вас в ваши комнаты, чтобы вы могли освежиться перед ужином.

Он повернулся, и мы последовали за ним по холодным каменным коридорам, где наши шаги отдавались зловещим эхом. По пути мы проходили мимо закрытых дверей, за одной из которых я услышал приглушенные голоса - мужской, раздраженный, и женский, плачущий. Грейвз не замедлил шаг, будто не замечая этого.

Моя комната оказалась в западном крыле, комната миссис Локхарт - в противоположном конце коридора. Прежде чем войти к себе, я обернулся и встретил ее взгляд. Она стояла у своей двери, одна, в свете единственной лампы, и выглядела внезапно очень уязвимой - высокомерная вдова исчезла, осталась лишь женщина, попавшая в незнакомое, враждебное место.

- Увидимся за ужином, миссис Локхарт, - сказал я.

Она кивнула, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

- Будьте осторожны, мистер Эббот, - тихо ответила она. - Стены здесь, кажется, имеют уши.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Я вошел в свою комнату. Она была просторной, обставленной тяжелой дубовой мебелью. Камин уже горел, отбрасывая на стены танцующие тени. На столе стоял кувшин с водой и записка. Я подошел и взял ее. Бумага была качественной, почерк - четким, почти каллиграфическим.

«Дорогой мистер Эббот,

Рад вашему прибытию. Надеюсь, путешествие не слишком утомило вас. Ужин будет подан в восемь в большом зале. До встречи.

Искренне ваши,

Эдмунд Вентворт»

Ниже прилагался список гостей. Ничего необычного. И все же что-то заставило меня перевернуть листок. На обратной стороне, после перечня списка всех гостей, в самом низу, почти неразборчиво, будто случайный росчерк пера, стояло еще два слова:

«Она лжет.»

Я замер, вглядываясь в эти слова. Кто лжет? Миссис Локхарт? Сама записка? Или это просто клякса, игра моего воображения?

Легкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я быстро сунул записку в карман.

- Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился Грейвз.

- Сэр Эдмунд просит передать, что если вы пожелаете осмотреть коллекцию до ужина, он будет рад видеть вас в кабинете редкостей через полчаса, - произнес дворецкий своим без-

жизненным голосом. - Он считает, что вам, как человеку с литературным вкусом, это будет особенно интересно.

Как он узнал о моих литературных интересах? Я нигде не публиковался под своим именем.

- Передайте сэру Эдмунду, что я с удовольствием присоединюсь, - ответил я, стараясь сохранить спокойствие.

Грейвз кивнул, пояснил, как мне дойти до нужного кабинета и вышел, закрыв дверь так тихо, будто его и не было.

Я подошел к окну, отодвинул тяжелую портьеру. За стеклами бушевала метель, скрывая все за белой пеленой. Замок «Белый утес» оказался не просто местом для уединенного отдыха. Он был ловушкой, красивой и опасной. И мы, все гости, уже оказались внутри, не понимая, кто из нас охотник, а кто - добыча.

Но больше всего меня беспокоило не это. Больше всего меня беспокоило то, что, глядя на снежную бурю за окном, я чувствовал странное, необъяснимое возбуждение. Как будто долгожданное представление наконец-то начиналось. И я, Джеймс Эббот, скрывающийся автор скандальных романов, должен был сыграть в нем свою роль. Какую именно - пока не знал ни я, ни, подозреваю, кто-либо еще в этом проклятом замке.

Я повернулся от окна и мой взгляд упал на зеркало над камином. В его темной глубине, в отражении двери, которую я был уверен, что закрыл, теперь виднелась узкая щель. И в этой щели, в коридоре, стояла неподвижная фигура, наблюдающая за мной. Прежде чем я успел разглядеть детали, фигура исчезла, а дверь бесшумно прикрылась, будто ее и не открывали.

Глава 2

У врат замка.

Зеркало отражало лишь пустой коридор и плотно притворенную дверь. Может, это была игра света от камина? Или мои нервы, натянутые как струна после странной записки и полунамеков миссис Локхарт, начали предательски шалить? Я резко развернулся и сделал несколько шагов к выходу, рука уже тянулась к медной ручке, но я заставил себя остановиться. Если за мной и вправду наблюдали, то моя внезапная вылазка выглядела бы либо как паника, либо как вызов. Ни того, ни другого я позволить себе не мог. Пока.

Я вернулся к камину, снял сюртук и бросил его на спинку кресла. Вода в кувшине оказалась ледяной. Я умылся, стараясь привести в порядок мысли. Записка «Она лжет» жгла карман. Кто ее написал? Сам Вентворт, проверяя мою наблюдательность? А может, это предупреждение насчет Вивиан Локхарт? Ее история об умершем муже-хирурге висела в воздухе недосказанностью, словно половина картины, написанная невидимыми чернилами.

Через двадцать минут, точно отмеренных по карманным часам, я вышел в коридор. Он был пуст, тих и освещен редкими газовыми рожками, чье желтое мерцание лишь углубляло тени между ними. Каменные стены впитывали звук. Мои шаги по старому ковру были бесшумны. Спускаясь по винтовой лестнице, я услышал голоса. Они доносились снизу, из просторного холла, который мы миновали при входе.

- ...абсолютно неприемлемо, Грейвз! Я ожидал, что дядюшка предоставит нам покои в восточном крыле, а не эти конуры рядом с кухней!

Голос мужской, молодой, но с неприятной гнусавой ноткой высокомерия.

- Сэр Эдмунд распорядился разместить гостей согласно их статусу и времени прибытия, мистер Реджинальд, - сухо парировал голос дворецкого. - Восточное крыло занято.

- Кем, интересно? Каким-то выскочкой-антикваром и вдовой какого-то лекаря? - фыркнул мужчина.

Я завернул за угол и оказался на галерее. Внизу, у огромного камина, в котором тлели толстые бревна, стояли трое. Дворецкий Грейвз, неподвижный, как статуя. Перед ним - молодой человек, лет тридцати пяти, в щегольском, но слегка поношенном сюртуке. Его лицо, когда-то, должно быть, приятное, теперь было испорчено выражением брезгливого недовольства. Это, видимо, был племянник хозяина, Реджинальд Вентворт. Я немного изучил генеалогию Вентвортов, прежде чем ехать сюда. Рядом с ним, чуть поодаль, теребя в руках кружевной платок, стояла женщина - его жена Эмили. Она была бледна, с большими испуганными глазами, которые постоянно метались по сторонам, словно искали пути к бегству. На ней было скромное платье цвета увядшей розы, которое, казалось, висело на хрупких плечах.

- Не волнуйся так, Реджи, - тихо, почти шепотом, сказала она, касаясь руки мужа. - Комната вполне удобна...

- Молчи, Эмили! - рявкнул на нее Реджинальд, и она вздрогнула, словно от удара. - Ты никогда не понимаешь важности внешних знаков! Мы - семья. Наша комната должна это демонстрировать!

- Демонстрировать что, дорогой племянник? Хроническую нехватку средств или твое умение проигрывать в клубе последние фамильные реликвии?

Новый голос прозвучал слева, из-под арки, ведущей, кажется, в столовую. Он был низким, хрипловатым от хорошего коньяка и плохих сигар. Оттуда вышел мужчина лет сорока пяти, плотного телосложения, с лицом, обветренным не столько морскими бризами, сколько крепким алкоголем. На нем был поношенный, но качественный твидовый пиджак, под которым угадывалась бывшая когда-то безупречной осанка военного. Капитан Артур Брэдли, если верить списку гостей, который я мельком прочел.

Реджинальд покраснел, как индюк.

- Ты не имеешь права, Брэдли! Ты здесь всего лишь...

- Всего лишь старый друг твоего дядюшки, который помнит тебя еще сопливым мальчишкой, плакавшим, когда отнимали сахар, - невозмутимо закончил капитан, подходя к камину и протягивая к огню ладони. - А теперь советую заткнуться. Твое нытье может разбудить даже этих каменных рыцарей. - Он кивнул на мрачные доспехи, стоявшие в нишах вдоль стен.

Между мужчинами пробежала искра неприкрытой вражды. Грейвз, используя паузу, снова заговорил, обращаясь ко мне, будто только что заметил мое присутствие на галерее.

- Мистер Эббот. Сэр Эдмунд ждет вас. Если проследуете за мной.

Все трое внизу резко подняли головы. Шесть глаз уставились на меня с разными выражениями: у Реджинальда - с подозрительной враждебностью, у Эмили - с робким любопытством, у капитана Брэдли - с оценивающим, почти насмешливым интересом.

- А, новый гость! - громко произнес капитан. - Спускайтесь к нам, сэр, сойдите с небес на грешную землю! Представьтесь компании!

Я медленно спустился по широкой лестнице, чувствуя себя актером, выходящим на сцену под пристальными взглядами недружелюбной аудитории.

- Джеймс Эббот, - сказал я, слегка кивнув. - Приятно познакомиться.

- Эббот? - переспросил Реджинальд, нахмурив лоб. - Фамилия знакомая. Вы не из банкирской семьи Эбботов с Треднидл-стрит?

- Нет, - ответил я просто, не вдаваясь в подробности. Ложь должна быть минимальной и близкой к правде. - Просто дальние родственники.

- Капитан Артур Брэдли, - представился военный, не протягивая руки, но кивнув достаточно приветливо. - А это мистер и миссис Вентворт. Племянник нашего хозяина и его престелная супруга.

Эмили смущенно опустила взгляд. Реджинальд фыркнул.

- Вы тоже приглашены оценить какую-то безделушку из коллекции дядюшки? - спросил он, оглядывая меня с ног до головы.

- Скорее, я здесь как наблюдатель, - уклончиво сказал я. - Сэр Эдмунд любезно предложил мне провести несколько дней в его поместье для вдохновения.

- Для вдохновения? - капитан Брэдли приподнял густую седеющую бровь. - Вы что, художник?

- Писатель, - признался я, ожидая дальнейших вопросов.

Но их не последовало. Реджинальд потерял ко мне интерес, решив, видимо, что я незначительная фигура. Капитан же просто хмыкнул и повернулся обратно к огню.

- Сэр Эббот, сэр Эдмунд не любит ждать, - мягко, но настойчиво напомнил Грейвз.

Я извинился перед компанией и последовал за дворецким через арку. Мы прошли мимо столовой с длинным дубовым столом, накрытым на двенадцать персон, и свернули в еще более узкий и темный коридор.

Грейвз остановился перед дверью, украшенной сложной резьбой с изображением химер и диковинных растений. Он не стал стучать, а просто отворил дверь и отступил в сторону, давая мне войти.

- Мистер Эббот, сэр.

Кабинет редкостей сэра Эдмунда Вентворта был не похож ни на одну комнату, которую я видел прежде. Она представляла собой гибрид библиотеки, музея и кунсткамеры. Высокие стены от пола до потолка были уставлены книжными шкафами с стеклянными дверцами, но вместо книг за стеклом мерцали и переливались диковинные предметы: минералы причудливых форм, засушенные насекомые в стеклянных кубках, анатомические модели из слоновой кости, старинные хирургические инструменты с рукоятками, инкрустированными пер-

ламутром. В центре комнаты стоял огромный стол из темного дерева, заваленный бумагами, лупами и ящиками с выдвижными стеклянными панелями. Воздух был густ от запаха старой бумаги, воска и того самого химического запаха, который я уловил в коридоре.

За столом, спиной к большому окну, за которым бушевала непроглядная снежная тьма, сидел хозяин дома.

Сэр Эдмунд Вентворт был стар, но старость его не была дряхлой. Это была старость горного орла или старого дуба - иссушенная, жилистая, полная скрытой силы. Его лицо, покрытое сетью тонких морщин, было бледным, почти восковым. Глаза, цвета мокрого асфальта, смотрели на меня с пронзительной, не по годам живой внимательностью. Он был одет в темный бархатный халат, из-под которого виднелся безупречный белый воротничок и галстук. Его длинные пальцы с желтоватыми от табака ногтями лежали на развернутой перед ним старой книге с гравюрами.

- Мистер Эббот, - произнес он. Голос был тихим, но четким, с легким шипящим призывком, словно бумажный лист, перетираемый пальцами. - Наконец-то. Я уже начал беспокоиться, что метель вас задержала насовсем. Подходите ближе. Не бойтесь, я не кусаюсь. По крайней мере, не гостей, которые мне интересны.

Я подошел к столу, чувствуя на себе тяжесть его взгляда. Он изучал меня так, как лекционер изучает редкий экземпляр - оценивающе, с холодным любопытством.

- Благодарю за приглашение, сэр Эдмунд. Ваш замок... впечатляет.

- Да, - согласился он, не отводя глаз от моего лица. - Он впечатляет. И изолирует. Идеальное место для размышлений. И для сбора коллекции, разумеется. Вы ведь интересуетесь человеческой природой, мистер Эббот? Тайными пружинами, что движут нашими поступками?

Вопрос прозвучал как удар хлыста. Как он мог знать?

Я осторожно кивнул.

- Это естественный интерес для любого наблюдательного человека.

- Наблюдательного, - повторил он, и его тонкие губы дрогнули в подобии улыбки. - Да, вы кажетесь наблюдательным. И, судя по тому, как вы держитесь, человеком, привыкшим хранить секреты. Как, например, секрет авторства «Паутины лжи» и «Тени в тумане».

Кровь отхлынула от моего лица. Я почувствовал, как холодеют кончики пальцев. Это были названия моих романов. Он знал. Знал все.

- Я... не понимаю, о чем вы, сэр.

- О, понимаете, мистер Эббот, прекрасно понимаете, - мягко сказал он, откидываясь на спинку кресла. Его пальцы принялись барабанить по столешнице. - Не беспокойтесь. Ваша тайна в безопасности со мной. Я коллекционирую не только безделушки, но и... интересные факты о людях. Это мое хобби. Иногда даже более увлекательное, чем коллекционирование древностей. Сядьте, пожалуйста.

Я машинально опустился в кожаное кресло напротив него, разум лихорадочно работал. Шантаж? Но зачем? Что он мог хотеть от меня?

- Зачем вы мне все это говорите? - спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Чтобы установить правила игры, - ответил сэр Эдмунд. - Видите ли, все гости, которых я пригласил на эти несколько дней, обладают... определенными секретами. Некоторые - мелкие, семейные. Другие - более серьезные. Ваш секрет, мистер Эббот, один из самых пикантных. Представьте, если бы светские львицы, зачитывающиеся романами «невинной Амелии Грей», узнали, что их кумира выдумал мужчина... Скандал был бы восхитительным.

Он произнес это с таким неподдельным удовольствием, что у меня сжались кулаки.

- Чего вы хотите?

- Пока? Ничего. Просто насладиться спектаклем, - он широко жестом обвел комнату. - Все вы здесь, в моей коллекции. Каждый со своим скелетом в шкафу, с своим маленьким или

большим грехом. И мне интересно наблюдать, как вы будете взаимодействовать. Кто проявит слабость, кто - хитрость, а кто... настоящую глубину.

В его глазах вспыхнул странный, почти безумный огонек. Это был не просто эксцентричный старик. Это был кукловод, который собрал своих марионеток и готовился к представлению.

- А если кто-то откажется играть по вашим правилам? - тихо спросил я.

Сэр Эдмунд наклонился вперед, и его лицо оказалось в полосе света от настольной лампы.

- Тогда, дорогой мистер Эббот, их секрет может перестать быть секретом. Как, впрочем, и ваш. Но я уверен, вы умный человек. Вы понимаете, что иногда лучше танцевать под дудку того, кто держит флейту. Тем более что музыка обещает быть... захватывающей. Посмотрите на это.

Он открыл один из ящиков стола и достал небольшой футляр из темного дерева. Внутри, на бархатной подушке, лежал изящный кинжал с тонким, словно игла, лезвием и рукоятью, украшенной спиралью из серебряной проволоки.

- Персидский пешкаб, XVIII век, - прошептал сэр Эдмунд, любовно проводя пальцем по лезвию. - Идеален для точного, почти хирургического удара. Смерть от него приходит быстро и... интимно. Часть моей коллекции медицинских диковинок, которую завтра будет оценивать миссис Локхарт. Интересная женщина, не правда ли? Такая... глубокая скорбь. Такие темные тайны.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я прочитал вызов. Он знал, что я уже говорил с Вивиян. Он все видел, все знал.

- Насчет миссис Локхарт... - начал я.

- Ах, да, - перебил он меня, внезапно сменив тему, будто устав от разговора. - Кстати, я припоминаю, вы спрашивали в письме о возможности поработать здесь в тишине. Восточное крыло, кабинет с видом на море... Я велел подготовить для вас комнату рядом с библиотекой. Грейвз перенесет ваши вещи после ужина.

Это была откровенная ложь. Я не писал ему ничего подобного. Но его взгляд говорил: «Игра началась. Первый ход за мной».

Внезапно из глубины дома донесся глухой удар, как будто упало что-то тяжелое, а затем - приглушенный, женский крик, мгновенно оборвавшийся. Сэр Эдмунд даже бровью не повел.

- Кажется, кто-то из гостей неуклюж, - равнодушно заметил он. - Или нервы. Погода действует на некоторых угнетающе. Вам, мистер Эббот, советую держать нервы в узде. И глаза открытыми. Коллекция, которую я собрал здесь, включает в себя не только предметы. Некоторые экземпляры особенно... дорогие.

Он снова уставился на меня, и в тишине кабинета, нарушаемой лишь завыванием ветра за окном и потрескиванием поленьев в камине, его слова повисли зловещим предзнаменованием.

- Ужин в восемь, - сказал он, возвращаясь к книге. - Не опаздывайте. Первый тост я всегда произношу сам. И он обычно задает тон всему вечеру.

Это было явное указание к уходу. Я поднялся, слегка поклонился и направился к двери. Рука уже лежала на медной ручке, когда его голос снова остановил меня.

- И, мистер Эббот? Будьте добры, не говорите другим гостям о содержании нашего разговора. Пусть у каждого сохранится... иллюзия приватности. По крайней мере, на какое-то время.

Я вышел, плотно закрыв за собой дверь. В коридоре было пусто. Грейвз исчез. Я прислонился к холодной каменной стене, пытаясь перевести дух. Сердце колотилось как бешеное. Он знал. Он знал все. И я был не единственным. Все мы здесь были игрушками в руках этого безумного коллекционера человеческих пороков.

До ужина оставался час. Час, чтобы прийти в себя, обдумать позицию и решить, как играть в эту игру, где правила писал явно не я. Я пошел обратно в главный холл, но по дороге

остановился, услышав голоса из-за полуоткрытой двери в какой-то небольшой будуар. Голоса были знакомые - капитан Брэдли и Вивиан Локхарт.

- ...и я говорю вам, мэм, это место проклято, - хрипел капитан. - Старик собрал нас здесь не просто так. Он что-то замышляет.

- Все хозяева замышляют что-то, когда собирают гостей, капитан, - спокойно ответила Вивиан. - Обычно - просто блеснуть богатством или устроить смотр потенциальных женихов для одинокой племянницы. Но у сэра Эдмунда нет племянницы, если не считать миссис Вентворт, а она уже замужем.

- Вы слишком умны для вашего же блага, мэм, - проворчал Брэдли. - Я служил с ним в Индии. Видел, на что он способен. Он коллекционировал не только статуэтки там. Он коллекционировал... людей. Их слабости. И использовал их.

В голосе капитана сквозил неподдельный страх. Это было сильнее, чем просто неприязнь.

- И что вы предлагаете? - спросила Вивиан. - Бежать в метель?

- Я предлагаю держаться вместе, мэм. Найти союзников. Этот Эббот, например. Кажется, трезвая голова. Или доктор Уэстон. Он стар и, кажется, безобиден.

- Доктора редко бывают безобидными, капитан. Они знают слишком много о жизни. И о смерти.

Их разговор прервал звон колокольчика - настойчивый, резкий, разносящийся по всему дому. Звонок к ужину.

Дверь будуара открылась, и оттуда вышли капитан Брэдли и Вивиан Локхарт. Увидев меня, они замерли. Капитан выглядел смущенным, Вивиан - настороженной.

- Подслушивать невежливо, мистер Эббот, - сказала она, но в ее глазах не было упрека, лишь вопрос.

- Я просто шел к залу, - ответил я. - Колокол, кажется, зовет.

- Зовет к столу, а может, и на бойню, - мрачно пробормотал Брэдли, поправляя пиджак.

- Ну что ж, пойдемте. Негоже заставлять старика ждать.

Мы пошли вместе по коридору к столовой. По пути к нам присоединились другие гости: доктор Генри Уэстон, пожилой, добродушного вида джентльмен с седой бородкой клинышком, опирающийся на трость с серебряным набалдашником; Летиция Фэрчайлд, высокая, сухая женщина лет шестидесяти в темно-фиолетовом платье, с лицом, напоминавшим хищную птицу, и ее тихая компаньонка Элис Бентон; Оливер Смит, антиквар, щуплый мужчина в очках с нервной улыбкой; и, наконец, Реджинальд с Эмили Вентворт.

Двенадцать человек. Полный комплект для светского ужина. Или для чего-то совершенно иного.

Дверь в столовую была открыта. Внутри, во главе длинного стола, под огромным портретом какого-то сурового предка в парике, уже сидел сэр Эдмунд Вентворт. Он сменил халат на строгий черный фрак и смотрел на входящих тем же оценивающим, пронизательным взглядом, каким смотрел на меня в кабинете.

- А, все в сборе! - воскликнул он, и его голос прозвучал неестественно громко в тишине зала. - Прошу, занимайте места. Карточки с именами у каждого прибора. Я позаботился о рассадке лично. Чтобы было... интереснее.

Я нашел свое место - по правую руку от хозяина, напротив Вивиан Локхарт. Рядом со мной оказался капитан Брэдли, слева от Вивиан - доктор Уэстон. Грейвз и две служанки в строгих черных платьях начали бесшумно обслуживать стол. Суп был подан. Вино налито. Но никто не притрагивался к еде. Все ждали. Ждали того, что скажет хозяин. Сэр Эдмунд медленно поднял свой бокал с хересом. Его глаза обвели всех присутствующих по кругу, задерживаясь на каждом лице на секунду дольше, чем было принято.

- Дорогие гости, - начал он, и его шипящий шепот был слышен в самом дальнем конце стола. - Я рад приветствовать вас в моем доме. Вы все здесь по разным причинам: кто-то - по

долгу, кто-то - из интереса, кто-то - из вежливости. Но я надеюсь, что следующие несколько дней запомнятся вам. Я собрал здесь не просто случайных людей. Я собрал... коллекцию. Коллекцию умов, талантов, историй. И, как любой коллекционер, я хочу, чтобы мои экспонаты взаимодействовали. Чтобы они... реагировали друг на друга. Поэтому предлагаю первый тост.

Он сделал паузу, наслаждаясь всеобщим напряжением.

- Выпьем за тайны, - прошептал он. - За те, что мы храним. И за тех, кто их хранит вместе с нами. Потому что иногда одна раскрытая тайна может уничтожить целую жизнь. Не так ли?

Он отпил глоток, никогда не отводя взгляда от нас. И в этом взгляде, полном холодного, расчетливого любопытства, я прочитал нечто, от чего кровь застыла в жилах. Это был взгляд не хозяина, принимающего гостей. Это был взгляд экспериментатора, наблюдающего за подопытными в лабиринте. И я вдруг с абсолютной, леденящей душу ясностью понял: никто из нас не покинет этот замок прежним. Если покинет вообще.

Вивиан подняла свой бокал, чтобы отпить, но вдруг замерла, уставившись на что-то под столом. Ее лицо побелело, губы задрожали. Я наклонился, чтобы посмотреть. На полу, у ее ног, лежала маленькая, аккуратно сложенная записка. И на ней, словно выведенной кровью (но, надеюсь, это было лишь вино), было выведено одно слово: «**ЛЖЕЦ**».

Глава 3

Шепот за спиной

Кроваво-красное слово «ЛЖЕЦ» лежало на полу, как открытая рана на бледном паркете. Время за столом замерло. Шум в ушах заглушил потрескивание камина. Я видел, как Вивиан Локхарт медленно, с невероятным усилием воли, поднимает взгляд от записки и смотрит прямо на меня. В ее серых глазах не было страха. Там бушевала холодная, чистая ярость. И вопрос. Тот же вопрос, что крутился и у меня в голове: *Кто?*

Сэр Эдмунд, заметив заминку, слегка наклонился вперед.

- Что-то случилось, миссис Локхарт? Вы выглядите бледной. Неужто мое бордо не пришлось по вкусу?

Вивиан не отвечала. Она наклонилась, и ее движение было настолько отточенным и быстрым, что никто, кроме меня, сидевшего напротив, вероятно, и не заметил, как белый треугольник бумаги исчез в складках ее темно-синего бархатного платья.

- Все в порядке, сэр Эдмунд, - произнесла она ровным, ледяным тоном. - Просто... внезапный сквозняк. Напоминание о том, что даже в самых прочных стенах есть щели.

Ее ответ висел в воздухе, заряженный скрытым смыслом. Хозяин замка прищурился, и на его тонких губах дрогнула тень улыбки. Он понял намек. И, кажется, ему это понравилось.

- О, да, моя дорогая, - прошептал он. - Щели. Именно через них просачиваются самые интересные вещи. Но продолжим. Мясо, я вижу, остывает.

Ужин продолжился, но атмосфера была окончательно отравлена. Если до тоста царило напряженное любопытство, то теперь в воздухе витало откровенное подозрение. Взгляды, которые гости бросали друг на друга, стали пристальнее, оценивающе. Капитан Брэдли мрачно ковырял вилкой в тарелке, время от времени бросая тяжелые взгляды на Реджинальда Вентворта. Тот, в свою очередь, нервно попивал вино и что-то шипел на свою жену, которая, казалось, вот-вот расплачется. Доктор Уэстон старался поддерживать ниточки светской беседы, но его добродушные замечания повисали в тишине, как пузыри в смоле. Летиция Фэрчайлд, напротив, казалась оживленной; ее острый взгляд скользил по лицам, будто она читала в них невидимые другим знаки, а ее пальцы теребили серебряный амулет на груди.

Я почти не касался еды. Мой мозг лихорадочно работал. Записка «Она лжет» в моем кармане и «ЛЖЕЦ» под столом Вивиан. Это было связано. Одно предупреждение, другое - прямое обвинение. Кто мог это написать? Сам Вентворт, разжигая конфликт? Но зачем? Ему, казалось, достаточно было общего тоста, чтобы всех наэлектризовать. Кто-то из гостей? Кто и за что мог обвинять Вивиан во лжи? Или это было предупреждением *мне* - не верить ей?

Я посмотрел на нее. Она ела маленькими, точными кусочками, ее профиль был обращен к доктору Уэстону, который что-то ей говорил о свойствах редкого горного хрусталя. Она кивала, изредка задавая уточняющий вопрос. Совершенное самообладание. Наконец мучительная трапеза подошла к концу. Сэр Эдмунд отодвинул стул.

- Надеюсь, ужин был по вкусу. Теперь, дамы, вы можете удалиться в гостиную. Джентльмены, я приглашаю вас в бильярдную - выкурить сигару и обсудить... ну, скажем, перспективы на завтра. Погода, кажется, намерена удержать нас в обществе друг друга подольше.

Это не было приглашением. Это был приказ. Женщины молча поднялись. Вивиан, проходя мимо моего стула, на секунду задержала на мне взгляд.

Мужская компания в бильярдной была немногим веселее. Сэр Эдмунд восседал в кресле у камина, вдыхая аромат дорогой гаванской сигары, и наблюдал, как капитан Брэдли и Реджинальд Вентворт с плохо скрываемой взаимной неприязнью пытаются играть в бильярд. Доктор Уэстон удобно устроился с журналом, а антиквар Оливер Смит нервно расхаживал по комнате, разглядывая полки с книгами.

- Ну что, мистер Эббот, - обратился ко мне хозяин, выпуская кольцо дыма. - Нашли ли вы уже вдохновение для новой истории в нашем скромном обществе?

- Общество, надо признать, весьма колоритное, - осторожно ответил я.

- О, это мягко сказано! - рассмеялся он, и смех его звучал как сухой треск. - Каждый - готовый персонаж. Вот, взгляните на моего дорогого племянника. Трагическая фигура человека, родившегося не в то время и не в том месте. Вечно недоволен, вечно всем обязан. Идеальный мотив для преступления, не находите?

Реджинальд, услышав это, резко выпрямился у бильярдного стола, и кий в его руках дрогнул.

- Дядюшка!..

- Тише, тише, мальчик мой, - успокоил его сэр Эдмунд. - Это же всего лишь литературное упражнение. Или ты считаешь, что мистер Эббот возьмет тебя за прототип убийцы? Хотя... - он прищурился, - кто знает.

В комнате повисла неловкая пауза. Даже капитан Брэдли перестал целиться.

- А капитан Брэдли, - продолжал хозяин, будто обсуждая погоду, - наш вояка с потертой репутацией. Старые грехи, которые, как болотные огни, всплывают в самой неподходящей обстановке. Страх разоблачения - мощный двигатель, мистер Эббот. Мощнее жажды наживы.

Капитан бросил кий на стол с такой силой, что тот отскочил.

- Сэр Эдмунд, я не намерен выслушивать...

- Но ты уже выслушиваешь, - мягко прервал его старик. Его глаза блестели в полумраке. - Все мы здесь что-то выслушиваем. И кое-что скрываем. В этом и прелесть. Доктор Уэстон, к примеру, хранит тишину своих амбиций. А мистер Смит... о, мистер Смит дрожит над тайнами, которые не принадлежат ему. Правда ведь?

Антиквар вздрогнул, будто его ударили током, и чуть не уронил взятый с полки фолиант. Я понял, что происходит. Это была не беседа. Это была демонстрация силы. Он по одному указывал на каждого, напоминая, что держит ниточки. Он наслаждался этим.

- А что насчет миссис Локхарт? - не удержался я, нарушив его игру. - Вы, кажется, пригласили ее как эксперта.

Сэр Эдмунд медленно повернул ко мне голову. Его взгляд стал острым, как тот персидский кинжал.

- Миссис Локхарт... да. Женщина с прошлым. Со смертью за плечами. Со знанием, которое может быть опасным. Вам она показалась... правдивой, мистер Эббот?

Это была ловушка. Прямо в лоб.

- Я не могу судить, едва познакомившись, - уклончиво ответил я.

- О, но вы же писатель! Вы должны чувствовать фальшь. Или... симпатия уже ослепила вашу проницательность?

Капитан Брэдли фыркнул. Реджинальд злорадно ухмыльнулся. Я почувствовал, как кровь бросается мне в лицо. Он играл со мной, как кошка с мышью.

- Я полагаю, время все расставит по местам, - сказал я, вставая. - Если вы позволите, сэр Эдмунд, дорога и этот насыщенный день дают о себе знать. Я думаю, я удалюсь.

- Ну, конечно, - кивнул он, разочарованно. - Сладких снов. И помните, мистер Эббот: в этом доме стены не только имеют уши. Порой у них бывают и глаза. Спокойной ночи.

Его прощальные слова прозвучали как самое откровенное угрозу.

Я вышел в коридор, и холодный воздух, не согретый камином, ударил мне в лицо. Я шел к своей комнате, обдумывая каждое слово, каждый взгляд. Мне нужно было поговорить с Вивиан. Сейчас же. Я знал, что ее комната в восточном крыле, но путь туда вел мимо гостиной, где, судя по приглушенным голосам, все еще находились дамы. Я замедлил шаг у полуоткрытой двери.

- ...просто ужасная неловкость, - доносился взволнованный шепот Эмили Вентворт. - И этот тост! У меня мурашки по коже побежали.

- Пустые слова старого человека, желающего казаться значительным, - прозвучал спокойный голос Вивиан. - Не стоит придавать им значения.

- А вы не боитесь? - это была Летиция Фэрчайлд, ее голос вился, как дымок ладана. - Энергия в этом доме... она темная, накопившаяся. Я чувствую присутствия. Они недовольны. Особенно после того, как *некто* принес сюда свою ложь.

В гостиной воцарилась мертвая тишина. Я замер, прислушиваясь.

- Что вы хотите сказать, мисс Фэрчайлд? - холодно спросила Вивиан.

- О, ничего конкретного, моя дорогая. Просто... иногда маска прирастает к лицу так, что снять ее можно только с кожей. И духи это знают.

Я не стал дожидаться продолжения. Эта женщина говорила загадками, но ее направленность была очевидна. Я пошел дальше, к своей комнате. Пробыв там не более получаса, я решил, что все уже разошлось по комнатам. Я отправился куда и собирался. Поднялся на один этаж и нашел лестницу в восточное крыло. Коридор здесь был уже и темнее. Я остановился у двери, которую, по моим расчетам, должен был занимать Реджинальд Вентворт. Из-за нее доносились голоса - его, гневный, и Эмили, плачущий.

- ...должен что-то сделать! Он издевается над нами! Над тобой! Ты слышал, что он сказал за ужином? Он все знает, Эмили! Все!

- Пожалуйста, Реджи, успокойся... он не может знать...

- Может! Он дьявол! И он уничтожит нас, если мы не... не...

Голос понизился до неразборчивого шепота. Я прижался ухом к дереву, но разобрать ничего не мог. Только сдавленные всхлипы Эмили.

Отойдя от двери, я наконец добрался до комнаты Вивиан. Под моей рукой лежала записка «Она лжет». Стоило ли показывать ей ее? Я постучал тихо, но отчетливо.

Через мгновение дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалось ее лицо, освещенное сзади огнем свечи. Увидев меня, она не удивилась.

- Я знала, что вы придете, - тихо сказала она. - Быстро. Пока никто не видит.

Она впустила меня и бесшумно закрыла дверь, повернув ключ. Комната была похожа на мою, но уютнее. На столе горела свеча, рядом лежала раскрытая книга по анатомии. Я молча вынул из кармана смятую записку «ЛЖЕЦ» и подал ей. Она разгладила ее на столе, рядом со своей, той, что была у меня. Две записки. «Она лжет» и «ЛЖЕЦ». Разные почерки? Приглядевшись, я понял - нет. Один и тот же угловатый, нервный нажим. Тот же крен букв.

- Один человек, - прошептала она.

- Который следит за нами с момента нашего приезда, - добавил я. - Или который знает все заранее.

- Вентворт, - без колебаний сказала она.

- Не обязательно. Он и так держит всех на крючке. Зачем ему такие детские игры с записочками?

- Чтобы посеять панику. Чтобы мы начали грызть друг друга. Разделяй и властвуй. Классика. - Она села на край кровати, ее плечи на мгновение поникли. - Он упомянул моего мужа. Сказал, что у меня «смерть за плечами». Он знает о моих подозрениях.

- Каких подозрениях? - мягко спросил я, садясь в кресло напротив.

Она посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом, будто решая, можно ли бросить якорь в этой бурной воде.

- Я считаю, что моего мужа отравили, - выдохнула она наконец. - Не сердечный приступ. Яд. Редкий, трудно определяемый. Он работал над его исследованием. Кто-то украл его записи. А потом... потом случилось «несчастный случай». Сэр Эдмунд узнал об этом. Каким-то образом. Он коллекционирует такие истории. И пригласил меня сюда не для оценки коллекции. Он пригласил меня, чтобы наблюдать. Чтобы напоминать мне, что он знает. И чтобы... чтобы посмотреть, что я буду делать.

- И что вы будете делать? - спросил я.

Она подняла на меня глаза.

- Я буду искать правду. Здесь. Среди этих стен. Потому что я чувствую - тот, кто убил Джонатана, здесь. В этом доме. Может быть, даже за этим столом. - Она встала и подошла к окну, отодвинула тяжелую портьеру. - Вы верите в совпадения, мистер Эббот?

- Чем больше я живу, тем меньше.

- И я тоже. Меня пригласили сюда не случайно. Вас - тоже. Он знает вашу тайну. Он играет с нами. Но у каждой игры есть правила. И первое правило, когда на тебя охотятся, - перестать быть дичью.

Она повернулась ко мне. Свеча освещала ее сбоку, выделяя высокие скулы, линию подбородка. Бархат платья поглощал свет, делая ее силуэт почти бесплотным, но в ее позе, в прямом взгляде была такая сила, что у меня перехватило дыхание.

- Я не прошу вас мне верить, - сказала она. - Я прошу вас смотреть. И думать. Вы писатель. Вы видите связи, которые другие не замечают. Помогите мне их увидеть.

Между нами протянулась невидимая нить. Не романтическая - нет, пока еще нет. Нить союзников, загнанных в угол. Я кивнул.

- Хорошо. С чего начнем?

- С того, что мы уже знаем. Записки. Значит, кто-то, кроме Вентворта, активно действует. Или это часть его плана. Надо выяснить, у кого есть доступ к бумаге и чернилам такого качества. Надо следить за всеми. Особенно за... - она замаялась.

- За кем?

- За мисс Фэрчайлд. Она назвала меня лгуньей. Не прямо, но ясно. Она что-то знает. Или делает вид, что знает.

- А капитан Брэдли? Он явно боится Вентворта до судорог.

- Страх - плохой союзник. Но он может стать ключом. Если мы узнаем, чего он боится, мы узнаем больше о нашем хозяине.

Мы говорили еще с полчаса, строя теории, отмечая странности. С каждым словом стена между нами таяла. Она была умна, проницательна, безжалостно логична. И в этой логике была своя, мрачная поэзия. Я ловил себя на том, что смотрю не на детектива, а на женщину. На изгиб ее губ, когда она задумывалась, на тонкую цепочку, мерцавшую у нее на шее в расстегнутом вороте блузы.

Внезапно она замолчала и прислушалась.

- Что? - спросил я.

- Тише.

Снаружи, в коридоре, раздался очень тихий, почти неуловимый звук - шорох ткани о камень. Кто-то стоял за дверью. Кто-то слушал. Наши взгляды встретились. Я медленно поднялся с кресла, сделал бесшумный шаг к двери. Вивиан задула свечу. Комната погрузилась в темноту, нарушаемую только отсветами снега в окне. Я приложил ладонь к холодной деревянной поверхности двери, будто мог почувствовать дыхание с той стороны.

Шорох повторился. Теперь он удалялся. Кто-то так же тихо, как пришел, уходил прочь.

Я повернулся к Вивиан в темноте. Мы стояли в двух шагах друг от друга. Я чувствовал тепло ее тела, слышал ее ровное, контролируемое дыхание. Внезапная близость в этой темной, полной опасности комнате была острее любого признания.

- Они знают, что мы вместе, - прошептал я.

- Пусть знают, - так же тихо ответила она. Ее голос прозвучал совсем рядом. - Пусть боятся.

Я протянул руку в темноте и нащупал ее руку. Она не отняла ее. Ее пальцы были холодными. Мы стояли так, слушая, как тишина в коридоре становится абсолютной.

- Вам пора, - наконец сказала она, и ее голос снова приобрел отстраненную твердость. - И нам обоим нужно быть настороже. Завтра... завтра начнется настоящее.

Я кивнул, хотя она в темноте не видела этого, и осторожно вышел в коридор. Он был пуст. Но в воздухе еще витало ощущение недавнего присутствия, как запах чужих духов.

Возвращаясь в свою комнату, я уже не сомневался. Игра, которую затеял сэр Эдмунд Вентворт, перестала быть салонным развлечением. Она стала смертельно серьезной. И первые ходы уже были сделаны. Кем-то, кто прятался в тени и слушал.

Я вошел в свою комнату, запер дверь и прислонился к ней спиной. В кармане жгли две записки. В ушах звенел ее шепот: *«Пусть боятся»*. И я понял, что боюсь не только за себя. Впервые за долгое время я боялся за кого-то еще.

Перед тем как лечь, я решил проверить, все ли на месте. Подойдя к письменному столу, я замер. Моя записная книжка, куда я по привычке внес первые впечатления о гостях, лежала не там, где я ее оставил. Она была сдвинута. И на ее обложке, свежими, еще пахнущими чернилами, кто-то вывел три вопросительных знака. А под ними - маленький, схематичный рисунок. Нож. И рядом с ним - часы, стрелки которых показывали ровно три ночи.

Глава 4

Коллекция скелетов

Три вопросительных знака и рисунок ножа с часами жгли глаза даже после того, как я погасил лампу. Я пролежал в темноте несколько часов, прислушиваясь к каждому скрипу старого дома. Три ночи. Это было предупреждением? Намеком на уже совершенное преступление? Или угрозой на будущее? А нож... Первое, что пришло в голову - изящный персидский кинжал из кабинета Вентворта. «Идеален для точного удара».

Сон не шел. Я ворочался, прокручивая в голове лица, голоса, обрывки фраз. Вивиан с ее яростью. Панический шепот капитана Брэдли. Угрожающе-таинственные намеки Летиции Фэрчайлд. И над всем этим - бледная, как восковая маска, улыбка сэра Эдмунда, его пальцы, барабанившие по столу. *«Я коллекционирую... интересные факты о людях».*

Когда за окном чуть посветлело, обозначив призрачные контуры заснеженного парка, я сдался. Оделся, вышел в коридор. Замок спал мертвым, неестественным сном. Даже ветер, бушевавший всю ночь, стих, сменившись гробовой тишиной. Мои шаги по ковровой дорожке казались оглушительно громкими.

Я шел без цели, просто чтобы размять ноги и мысли. Прошел мимо гостиной, библиотеки. В столовую заглядывать не стал - вид вчерашнего стола с двенадцатью пустыми местами сейчас показался бы зловещим. Я свернул в менее знакомый коридор, ведущий, как мне показалось, к служебным помещениям.

И остановился. Из-за одной из дверей, приоткрытой на щель, доносился звук. Негромкий, монотонный, похожий на... плач? Нет, скорее на сдавленное, отчаянное бормотание. Мужской голос.

Я осторожно придвинулся. Это была кладовая или маленький кабинет. Внутри, при свете одинокой свечи, сидел капитан Брэдли. Но это был не тот грубоватый, самоуверенный вояка, которого я видел за ужином. Он сгорбился над столом, его лицо было искажено такой мукой, что я невольно отшатнулся. В одной руке он сжимал почти пустую фляжку, в другой - маленький, потертый портсигар. Он не пил и не курил. Он просто смотрел на разложенные перед ним на столе предметы: потрепанную фотографию, несколько писем на тонкой, пожелтевшей от времени бумаге, и... револьвер системы Вебсли. И тихо, безумно бормотал одно и то же:

- Он знает... он знает, черт возьми, он знает все. И покажет всем. И тогда... тогда конец. Всему конец. Лучше... лучше уж самому... Лучше уж пуля, чем позор...

Лед сковал мне грудь. Он говорил о самоубийстве. И все из-за того, что «он знает». Вентворт. Старик добрался до него, донесся до самого дна какой-то старой, гнойной раны. И теперь Брэдли был на краю.

Я сделал шаг назад, намеренно громче ступив ногой. Бормотание мгновенно прекратилось. Послышалась ругань, шум быстрого собирания бумаг, щелчок кобуры. Когда я снова заглянул в дверь, капитан уже стоял, прямой и мрачный, застегивая пиджак. Его глаза, налитые кровью, уставились на меня без тени смущения, только с животной злобой.

- Подслушиваете, писака? - прохрипел он.

- Я проходил мимо, - спокойно сказал я. - Дверь была открыта. Вы выглядите нездорово, капитан.

- Не ваше дело, как я выгляжу! - он шагнул ко мне, и от него пахло виски. - И забудьте, что видели. Поняли? Забудьте. Или...

Он не договорил, но его взгляд скользнул к тяжелой пепельнице на столе. Угроза была прозрачна.

- Я ничего не видел, - сказал я, отступая. - Просто прогуливаюсь. Спокойной ночи, капитан. Вернее, доброго утра.

Я развернулся и ушел, чувствуя его взгляд у себя между лопаток. Так. Один из «экспонатов» коллекции Вентворта уже треснул. И трещина эта была смертельной. Если Брэдли что-то натворит - застрелится или, что еще хуже, кого-то застрелит - это взорвет и без того нелегкую ситуацию.

Я вернулся в свою комнату как раз в тот момент, когда в замке началось первое, робкое движение. Где-то вдалеке звякнула посуда, слышались шаги служанки. Я умылся ледяной водой, стараясь смыть с себя липкий ужас от увиденного. Надо было найти Вивиан. Обсудить это. Но сначала - завтрак. Общее собрание могло дать новые ключи.

В столовой царила напряженная, церемонная тишина. Присутствовали не все. Не было сэра Эдмунда, что было странно. Не было капитана Брэдли, что, после увиденного, было пугающе. Вивиан сидела на своем месте, одетая в строгое серое платье, и внимательно изучала содержимое тарелки с овсянкой. Она встретила со мной взглядом и едва заметно покачала головой: *«Ничего нового»*.

Реджинальд Вентворт наливал себе кофе с таким видом, будто отраву. Эмили, сидевшая рядом, казалась еще более потерянной и испуганной, чем вчера. Доктор Уэстон пытался вести беседу с Летицией Фэрчайлд о пользе утренних прогулок, но та отвечала односложно, ее взгляд был устремлен куда-то внутрь себя. Оливер Смит что-то быстро и нервно записывал в блокнотик. Завтрак подходил к концу, когда в зал вошел Грейвз. Его лицо было, как всегда, непроницаемо.

- Дамы и джентльмены, - произнес он своим безжизненным голосом. - Сэр Эдмунд просит прощения за свое отсутствие. Он чувствует небольшое недомогание и останется в своих покоях до обеда. Однако он настаивает, чтобы программа визита не нарушалась. Миссис Локхарт, он просит вас после завтрака приступить к предварительному осмотру медицинской части коллекции в кабинете редкостей. Вам будет предоставлен доступ.

Вивиан кивнула.

- А для остальных гостей, - продолжил дворецкий, - библиотека и бильярдная в вашем распоряжении. Обед в час.

Небольшое недомогание. После вчерашнего вечера это звучало подозрительно. Заболел? Или просто наблюдает за нами из укрытия, как за пауками в банке?

Когда компания стала расходиться, я нагнал Вивиан в коридоре.

- Мне нужно поговорить с вами. Срочно.

Она оглянулась - вокруг никого.

- Идемте со мной в кабинет. Как «наблюдателю» вам тоже будет интересно. И там мы сможем говорить.

Кабинет редкостей в дневном свете выглядел еще более жутко. Пыльные лучи, пробивавшиеся сквозь высокое окно, выхватывали из полумрака странные, угрожающие формы: оскал чучела обезьяны, блеск скальпелей, пустые глазницы анатомического черепа. Воздух пах пылью, камфарой и формалином.

Грейвз впустил нас, сказал, что мы можем свободно осматривать предметы на открытых полках, но не трогать запертые шкафы, и удалился, оставив дверь приоткрытой.

Как только его шаги затихли, я быстро, шепотом, рассказал Вивиан о том, что видел ночью: о рисунке на моей записной книжке, о капитане Брэдли на грани срыва.

Она выслушала, не перебивая, ее лицо стало суровым.

- Три часа... Нож... Это не просто угроза. Это конкретика. Брэдли... да, он слабое звено. Если Вентворт хочет хаоса, то доведение капитана до самоубийства или до убийства - идеальный способ. Но зачем предупреждать вас? Это странно.

- Может, предупреждают не о нем, - высказал я догадку, которая вертелась у меня в голове с ночи. - А о чем-то другом, что должно случиться в три. А нож... нож как символ.

- Или как указание на оружие, - она подошла к застекленному шкафу, где среди прочего лежал тот самый персидский кинжал в футляре. - Посмотрите.

Я присоединился к ней. Футляр был на месте. Но Вивиан, приглядевшись, указала на крошечную щель между крышкой и основанием.

- Он не закрыт до конца. Вчера он был захлопнут. Я заметила.

Осторожно, кончиками пальцев, она приподняла крышку. Футляр был пуст.

Кинжала внутри не было. Мы переглянулись. Пропажа оружия в доме, полном взаимных подозрений и угроз. Это меняло все.

- Надо его найти, - тихо сказала я.

- Или узнать, кто его взял, - поправила она. - Но это опасно.

- Значит, искать надо тайно.

Мы принялись осматривать кабинет, делая вид, что изучаем коллекцию. Я рассматривал банки с заспиртованными уродцами, она - старинные хирургические инструменты. Разговор шел вполголоса, прерываемый настороженным прислушиванием к шагам в коридоре.

- Вы верите, что Вентворт действительно болен? - спросил я.

- Нет, - без колебаний ответила она. - Он что-то замышляет. Устраняется, чтобы дать событиям развиваться. Как химик, убравший руку из пробирки перед взрывом.

- А что насчет мисс Фэрчайлд? Она явно намекала на вас.

Вивиан на мгновение замерла, проводя пальцем по стеклянной витрине.

- Летиция Фэрчайлд... Она была подругой моей матери. Давно. Очень давно. Она знает... семейные истории. Возможно, знает что-то такое, чего не знаю даже я. И она использует это сейчас, чтобы играть в свои спиритические игры. Она любит быть в центре, чувствовать свою власть над чужими страхами.

Внезапно ее взгляд упал на один из ящиков письменного стола. Он был не до конца задвинут.

- Странно, - прошептала она. - Вчера все ящики были закрыты.

Она потянула его на себя. Внутри лежала папка с бумагами. Самые обычные счета, письма. Но сверху лежал листок, который явно выпал оттуда. Вивиан подняла его. Это был список. Двенадцать имен. Наши имена. И напротив каждого - пометки. Какие-то сокращения, цифры. Напротив моего имени было выведено: «А.Г. – подтверждено. Собственность?». Рядом с именем Вивиан: «Дж.Л. – отравление? Сомнения. Требуется проверки». У капитана Брэдли: «Инк. 78 – доказательства имеются. Слабое звено». У Реджинальда: «Долги. Отчаяние. Готов на все». У Летиции Фэрчайлд: «Шантаж? Спирит. связи».

Это был не просто список гостей. Это был полевой журнал охотника. Или кукловода.

- Он вел досье на каждого из нас, - прошептал я, у меня пересохло в горле. - Собирает информацию. И привез нас всех сюда, чтобы... чтобы что? Сравнить с оригиналами?

- Или чтобы устроить суд, - мрачно сказала Вивиан. - Посмотрите. У некоторых - «подтверждено», «доказательства имеются». У других - «сомнения», «требуется проверки». Он не просто шантажировал нас общими фразами. Он вел расследование. И сейчас, под этой крышей, он ставит эксперимент. Кто признается? Кто сломается? Кто... нападёт первым?

Она судорожно сунула листок обратно в папку и задвинула ящик.

- Нам нельзя здесь больше оставаться. Если нас застанут...

- Но мы должны узнать больше! - возразил я. - Этот список... он ключ ко всему!

- И он же - наша смертельная опасность. Если он узнает, что мы его видели...

В этот момент в коридоре раздались четкие, быстрые шаги. Это была легкая, уверенная поступь. Шаги приближались к двери. Паника, острая и животная, ударила мне в виски. Нас поймут на месте преступления. Со всеми вытекающими. Вивиан метнула взгляд по сторонам. Прятаться было некуда. Огромный дубовый стол, шкафы, несколько стульев. Дверь начала открываться.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я схватил Вивиан за руку и резко рванул ее в узкий проход между высоким книжным шкафом и стеной. Там была небольшая ниша, затененная, где, судя по паутине, не ступала нога уборщицы. Мы втиснулись туда, я прижал ее к стене, стараясь закрыть своим телом. Мы стояли так близко, что я чувствовал биение ее сердца - быстрое, как у пойманной птицы. Запах ее лавандовых духов зашевелил мои ноздри.

В кабинет вошел тот, чьи шаги мы слышали. Через щель между шкафом и стеной я увидел краешек твидового пиджака и седую голову. Доктор Уэстон. Он прошел к столу, что-то негромко напевая. Потом остановился. Наверное, увидел незакрытый до конца ящик.

Напряжение достигло пика. Если он откроет папку и заметит, что листок переложен...

Но доктор лишь тихо цокнул языком, аккуратно задвинул ящик до конца и повернулся. Его добродушное лицо в полумраке комнаты казалось странным, отстраненным. Он подошел к шкафу с кинжалом, задумчиво посмотрел на пустой футляр, покачал головой и... вынул из внутреннего кармана пиджака маленький, изящный ключик. Открыл соседний, запертый шкафчик. Там, среди флаконов и инструментов, лежал тот самый персидский кинжал. Доктор бережно взял его, осмотрел лезвие, удовлетворенно кивнул и положил обратно, запер шкафчик

и спрятал ключ в карман. Затем он повернулся и вышел из кабинета, снова насвистывая какую-то беззаботную мелодию.

Мы стояли в нашей нише еще с минуту после того, как его шаги затихли. Дыхание вырывалось у нас прерывисто. Осознание только что увиденного ошеломило.

- Доктор... - выдохнула Вивиан. - Он знал, где кинжал. У него есть ключ. Он... он что, работает на Вентворта? Или просто перепрятывает ценности от чужих глаз?

- Или, - медленно сказал я, - он готовит что-то сам.

Мы выбрались из укрытия. Наши одежды были в пыли. Вивиан поправила волосы дрожащими пальцами.

- Это становится слишком опасным, - сказала она. - Мы наткнулись на что-то большое. Список. Пропавший кинжал у доктора. Брэдли на грани. Вентворт в укрытии.

- Нам нужно объединиться с кем-то еще, - предложил я. - Кто кажется... менее вовлеченным. Миссис Вентворт, например. Она напугана, но в ее страхе нет злобы. Она может что-то знать о своем муже, о дяде...

- Или компаньонка, мисс Бентон, - кивнула Вивиан. - Она всегда в тени. Видит все, но ничего не говорит. Такие люди иногда знают больше всех.

Мы договорились действовать осторожно, пытаться по отдельности вывести на разговор Эмили и Элис, и вышли из кабинета, стараясь выглядеть так, будто просто закончили осмотр.

Оставшееся до обеда время прошло в томительном ожидании. Я пытался завести разговор с Оливером Смитом в библиотеке, но он лишь скупое однозначно отвечал. Летиция Фэрчайлд уединилась в своей комнате для «духовных практик». Капитана Брэдли нигде не было видно.

Обед прошел без хозяина и без капитана. Грейвз сухо сообщил, что сэр Эдмунд все еще нездоров и просит передать извинения, а капитан Брэдли, по его словам, отправился на прогулку по парку, несмотря на мороз. Последнее прозвучало особенно неправдоподобно.

После обеда я решил рискнуть и подкараулить Эмили Вентворт, когда она одна вышла в зимний сад - остекленную галерею с чахлыми пальмами. Она сидела на скамейке, кутаясь в шаль, и смотрела на заснеженный парк.

- Прекрасный, хотя и суровый вид, - сказал я, садясь рядом не слишком близко.

Она вздрогнула, но, увидев меня, не испугалась, а лишь печально улыбнулась.

- Он всегда был таким. Суровым. Даже летом здесь чувствуется холод.

- Вы часто бывали здесь? - спросил я.

- В детстве... да. Потом редко. Дядюшка Эдмунд не очень любил... семейные визиты. - Она замаялась. - Он всегда был занят своей коллекцией.

- Кажется, коллекция для него важнее людей, - осторожно заметил я.

Она резко повернулась ко мне, и в ее глазах вспыхнуло что-то похожее на отчаяние.

- О, мистер Эббот, вы не представляете, насколько! Люди для него... люди - это просто еще одни экспонаты. Со своими изысками, своей историей. И он любит эти изысканы коллекционировать. Выставлять на свет. Это... это бесчеловечно!

Она вдруг замолчала, испуганно оглянувшись, будто боялась, что ее услышали.

- Миссис Вентворт, - тихо сказал я. - Вы боитесь его. И не только вы. Что он имеет на вашего мужа?

Слезы выступили у нее на глазах.

- Долги... старые, ужасные долги. И еще кое-что... из прошлого. Глупость молодости. Реджи был таким импульсивным... А дядюшка Эдмунд все записал. Все сохранил. И теперь... теперь он привел нас сюда и смотрит, как мы... как мы извиваемся. Как будто мы насекомые под стеклом. И я не знаю, что он хочет! Денег? Но у нас нет денег! Унижения? Но он уже добился своего! Чего же он хочет?!

Ее голос сорвался на полувсхлип. Она схватила меня за руку.

- Он что-то задумал. Что-то плохое. Я это чувствую. И Реджи... Реджи тоже что-то замышляет. Он о чем-то шептался с этим антикваром, Смитом. О «гарантиях», о «свидетельствах». Я боюсь, мистер Эббот. Я боюсь, что кто-то не выдержит. И тогда... тогда случится непоправимое.

Она говорила с такой искренней, неприкрытой тревогой, что сомневаться в ее честности не приходилось. Она не была союзником Вентворта. Она была его жертвой. И жертвой своего собственного мужа. Я успокоил ее как мог, сказал, что нужно сохранять хладнокровие и быть начеку, и оставил одну, понимая, что большего сейчас не вытянешь.

Вечер сгущался. Фонари в парке не зажгли. Замок погружался во тьму, нарушаемую лишь редкими огнями в окнах. Общего ужина не было - Грейвз разнес уведомление, что сэр Эдмунд продолжает отдыхать и предлагает гостям ужинать в своих комнатах или в бильярдной по желанию.

Такая изоляция была хуже любой конфронтации. Она разъединяла нас, заставляла сидеть по углам и накручивать себя. Я ужинал у себя, слушая, как тикают часы. Три ночи. Рисунок в моей записной книжке. Нож. Пропавший и найденный кинжал. Капитан Брэдли, которого все не было.

Я не выдержал. Надо было проверить, на месте ли капитан. Вышел в коридор и направился к его комнате в дальнем крыле. Дверь была закрыта. Я постучал. Ни ответа, ни привета. Постучал сильнее. Тишина. Осторожно я нажал на ручку. Дверь не была заперта. Я вошел. Комната была пуста. Кровать не смята. На столе стояла нетронутая еда, присланная с ужином. На полу, рядом с креслом, валялась пустая фляжка. И лежал револьвер Вебсли.

Но не было самого главного. Не было портсигара с письмами и фотографией. Капитан Брэдли исчез. А свой пистолет оставил. Это не предвещало ничего хорошего. Я вышел из комнаты, охваченный леденящим предчувствием. Надо было найти Вивиан. Срочно.

Я почти бегом направился в восточное крыло. В главном холле я столкнулся с Грейвзом, который с невозмутимым видом проверял запоры на главной двери.

- Вы не видели капитана Брэдли? - спросил я, стараясь звучать спокойно.

- Капитан, насколько мне известно, все еще на прогулке, сэр, - ответил дворецкий, даже не оборачиваясь.

- В такую тьму? И в такую стужу?

- Капитан Брэдли - человек решительный. И, кажется, ему нужно было побыть одному.

Я не стал спорить. Я побежал дальше по коридору. Когда я поравнялся с кабинетом редкостей, я замедлил шаг. Дверь была приоткрыта. И из-за нее лился свет. Сердце ушло в пятки. Я подкрался и заглянул внутрь. За столом, в кресле хозяина, сидел сэр Эдмунд Вентворт. Но он не читал и не разглядывал свои диковинки. Он сидел, откинув голову на спинку кресла, его рот был полуоткрыт, глаза остекленевшие и неподвижные, уставились в потолок. На его белоснежной манишке, прямо над сердцем, расплывалось маленькое, почти аккуратное темно-красное пятно. А из складок его бархатного халата выглядывала рукоять изящного кинжала, украшенная спиралью из серебряной проволоки.

Персидский пешкаб. И часы на каминной полке, тихо поскрипывая, показывали ровно три часа ночи.

Я стоял на пороге, не в силах пошевелиться, ошеломленный открывшимся зрелищем. И в этот момент сзади, из темноты коридора, раздался сдавленный, ужасающий женский крик. Я обернулся. В двух шагах от меня стояла Эмили Вентворт. Она смотрела через мое плечо в кабинет, на тело своего дяди, ее лицо было искажено абсолютным, немим ужасом. А за ее спиной, из тени, медленно выходила фигура. Капитан Артур Брэдли. Его одежда была в снегу, лицо - синее от холода и чего-то еще, дикого, неконтролируемого. В его руке, сжатой в безумной хватке, был не револьвер. Он сжимал старый, тяжелый каминный кочергу. И его безумный взгляд был устремлен не на меня, а на Эмили.

Глава 5

Самозванный следователь

Крик Эмили Вентворт, пронзительный и дикий, разорвал мертвую тишину замка. Он был подобен свистку паровоза, выпускающего пар, - после него наступила секунда оцепенения, а затем дом взорвался движением. Из дальних комнат послышались испуганные голоса, топот ног. Но мой взгляд был прикован к двум фигурам в коридоре.

Эмили, зажав ладони у рта, пятилась от меня, от раскрытой двери, за которой сидел мертвый хозяин. Ее глаза, огромные от ужаса, металась между мной и капитаном Брэдли. Капитан же стоял неподвижно, как вкопанный. Снег таял на его плечах и сапогах, образуя темные лужицы на ковре. Кочерга в его руке выглядела нелепо и страшно. Его лицо, обветренное и синеватое, выражало не злость, а полную, абсолютную растерянность. Он смотрел на кричащую Эмили, потом на меня, потом, наконец, его взгляд скользнул за мою спину, в освещенный кабинет, и застыл там. Все краски сбегали с его лица, оставив грязно-серый оттенок.

- Нет... - выдохнул он хрипло. - Нет, черт возьми, нет...

Первыми на шум прибежали Реджинальд Вентворт и доктор Уэстон. Реджинальд, увидев жену в истерике, бросился к ней.

- Эмили! Что случилось? Что ты...

Он замолк, последовав за ее взглядом. Его рот открылся, но звука не последовало. Доктор Уэстон, оперевшись на трость, переступил порог кабинета. Его профессиональный взгляд мгновенно оценил ситуацию. Он медленно подошел к креслу, наклонился, на секунду прикоснулся к шее сэра Эдмунда, проверил зрачки. Потом выпрямился и обернулся к нам. Его обычно добродушное лицо было строгим и печальным.

- Он мертв. Удар в сердце. Смерть, по всей видимости, мгновенная.

В дверях уже толпились остальные: Летиция Фэрчайлд с горящими любопытством глазами, за ней - бледная Элис Бентон; Оливер Смит, нервно теребящий воротник; и, наконец, Вивиан Локхарт. Она прошла сквозь толпу, ее взгляд встретился с моим, прочитал во мне шок и вопрос, и она едва заметно кивнула, словно говоря: «Вот оно. Началось».

- Все назад! - неожиданно рявкнул капитан Брэдли, словно очнувшись. Он швырнул кочергу на пол с таким грохотом, что все вздрогнули. - Никто не входит! Это... это место преступления!

Но его авторитет был подорван его же видом - запорошенный снегом, с безумными глазами, он выглядел скорее главным подозреваемым, чем человеком, берущим командование. Реджинальд, обняв рыдающую жену, зашипел на него:

- Это ты! Ты стоял здесь с этим... ! Ты его убил!

- Я?! - капитан сделал шаг вперед, сжав кулаки. - Я только что вошел с улицы! А он... - он ткнул пальцем в мою сторону, - он уже стоял тут! И она! - палец переместился на Эмили.

Все взгляды устремились на меня. Я почувствовал, как под ними застывает кровь. Я был первым на месте. Или почти первым.

- Я вошел, потому что дверь была открыта, и увидел его уже мертвым, - сказал я как можно ровнее. - Миссис Вентворт и капитан появились сразу после.

- А что ты здесь делал? - подозрительно спросил Реджинальд.

- Искал капитана. Чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Его не было в комнате.

Наступила тяжелая пауза. В воздухе висела паника, готовая перерасти в хаос. Кто-то должен был взять контроль. Иначе начнется охота на ведьм, и первый же, на кого укажут, будет разорван - словесно или физически.

Именно в этот момент заработал мой мозг, отточенный годами сочинения детективных головоломок. Страх отступил, уступив место холодной, почти клинической концентрации. Это была не книга. Это была реальность, пахнувшая кровью и страхом. Но правила те же: изолировать место, собрать факты, не дать эмоциям затмить логику.

- Доктор Уэстон, - обратился я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. - Вы констатировали смерть. Можно ли определить приблизительное время?

Доктор, удивленно посмотрев на меня, покачал головой.

- Очень приблизительно. Тело еще не остыло полностью. Несколько часов, не больше. Скорее всего, между десятью вечера и... настоящим моментом.

Было без пятнадцати три. Значит, убийство произошло после того, как все разошлись по своим комнатам. Или не все.

- Грейвз! - позвал я. Дворецкий, стоявший на краю толпы, сделал шаг вперед, его лицо по-прежнему было маской. - Немедленно запереть все наружные двери. Никто не входит и не выходит. И, пожалуйста, принесите из кладовой самую большую простыню.

- Сэр? - в его голосе впервые прозвучало недоумение.

- Чтобы накрыть тело. И сохранить... видимость приличия. И - ключи от всех комнат, включая покои сэра Эдмунда.

- Это незаконно, - проворчал капитан Брэдли, но уже без прежней уверенности.

- А убийство - законно? - холодно парировал я. - Мы отрезаны от мира метелью. Полиции, даже если мы пошлем кого-то, не будет здесь до утра, а то и дольше. За это время улики могут исчезнуть, а невинные люди - пострадать. Кто-то должен навести порядок. Если не вы, капитан, то позвольте мне.

Я смотрел на них - на испуганные, злые, потерянные лица. Я был среди них чужаком, «писателем». Но в моих словах была логика, в которой они отчаянно нуждались. Даже Реджинальд не стал спорить. Капитан Брэдли мрачно отвел взгляд, что я счел за молчаливое согласие.

- Хорошо, - сказал я. - Вот что мы делаем. Доктор Уэстон и миссис Локхарт, как люди с медицинскими познаниями, осмотрят тело внимательнее. Но не трогать кинжал! Грейвз принесет простыню. Пока он это делает, все остальные - в библиотеку. Никто не остается один. Мы все должны быть на виду друг у друга. Затем я по отдельности поговорю с каждым. Чтобы понять, кто что видел и слышал.

Это звучало как приказ. И, к моему удивлению, они подчинились. Возможно, потому, что альтернативой был хаос. Грейвз удалился. Доктор Уэстон и Вивиан остались в кабинете, я прикрыл дверь, оставив их внутри. Остальные, возглавляемые мной, молча потопали в библиотеку.

Библиотека, с ее теплым светом ламп, казалась сейчас не убежищем, а клеткой. Все расселись кто где. Капитан Брэдли устроился в кресле у камина, уставившись на огонь, и,

кажется, пытался отряхнуть с себя невидимый снег. Реджинальд успокаивал Эмили, которая тихо всхлипывала в платок. Летиция Фэрчайлд устроилась на диване, ее пальцы быстро перебирали четки, губы шептали что-то. Элис Бентон стояла у нее за спиной, как тень. Оливер Смит нервно ходил вдоль полок, ни на ком не останавливая взгляда. Я стоял у камина, чувствуя тяжесть их взглядов. Я был самозванным следователем, и все это понимали. Но пока я был их единственной соломинкой.

Первым вернулся Грейвз с простыней и связкой ключей. Я отправил его в кабинет, а ключи положил себе в карман. Затем в библиотеку вошли доктор Уэстон и Вивиан. Вивиан подошла ко мне, тихо сказала:

- Один удар. Точный, между ребрами, прямо в сердце. Рука знающая. Смерть наступила почти мгновенно. Больше никаких видимых повреждений. На руках следов борьбы нет.

- Время?

- Доктор прав, от одного до трех часов назад. Точнее нельзя.

Я кивнул и громко обратился ко всем:

- Внимание. Сейчас я буду беседовать с каждым по отдельности в соседнем будуаре. Цель - не обвинить, а выяснить, кто что мог видеть или слышать. Пока вы ждете, прошу вас не обсуждать произошедшее между собой. Это важно.

Я начал с тех, чье положение было наиболее щекотливым. С капитана Брэдли. В маленьком, уютном будуаре с картинами пасторальных сцен он казался особенно нелепым и диким. Он не дожидался вопросов.

- Я не убивал его. Да, я хотел. Черт побери, я мечтал об этом годами! Но не так. Не исподтишка.

- Где вы были с десяти вечера?

- На улице. Гулял. Не мог сидеть в четырех стенах. Он... он достал меня. Этими намеками. Вы же видели меня днем. Я был на грани.

- И вы взяли кочергу?

- Это было в прихожей! Я вошел, увидел ее, схватил... Не знаю зачем. Для защиты? От чего? - Он горько усмехнулся. - А потом услышал крик и побежал на звук.

- Вы кого-нибудь видели? Слышали что-то?

- Никого. Только ветер. Дом был тихий, как склеп. Когда я поднялся, увидел вас и эту истеричку у двери.

- Вы знали, что кинжал пропал?

Он посмотрел на меня с искренним непониманием.

- Какой кинжал?

Его реакция казалась правдивой.

- Ладно, капитан. Прошу вас, вернувшись в библиотеку, не вступать в перепалки. Особенно с мистером Вентвортом.

Следующей была Эмили Вентворт. Она была жалка. Ее руки дрожали, она не могла смотреть мне в глаза.

- Я... я не могла уснуть. Я слышала, как Реджи ворочается. Потом он уснул. А я... я пошла прогуляться по коридорам. Просто чтобы подышать.

- В три ночи?

- У меня нервы... они всегда были слабы. Я ходила туда-сюда. И увидела свет из-под двери кабинета дяди Эдмунда. Это было странно, он же болел. Я... я подошла послушать. Мне показалось, я слышала голоса. Неразборчивый шепот.

- Голоса? Мужской? Женский?

- Не знаю... возможно, мужской. А может, и не голоса, а просто... шум. Я испугалась и ушла почти достигнув конца коридора, а потом увидела вас, мистер Эббот. А за вами... о, Боже!

Она снова закрыла лицо руками.

- Вы никого не видели выходящим до этого?

- Нет. Никого. Коридор был пуст.

Реджинальд Вентворт был агрессивен и напуган одновременно.

- Я спал! Проснулся только от крика Эмили. И да, я рад, что старый скряга мертв! Он мучил нас годами! Но я не дурак, чтобы лезть на рожон. У меня теперь есть шанс на наследство, зачем мне его портить убийством?

- Вы слышали, как ваша жена ушла?

- Нет! Сказал же - спал!

- А что насчет ваших разговоров с мистером Смитом? О «гарантиях»?

Он побледнел.

- Это... это личное. Деловые вопросы.

- В ситуации убийства ничего личного не остается, мистер Вентворт. Оливер Смит вился как уж на сковороде.

- Я ничего не знаю! Я в своей комнате был! Да, я разговаривал с мистером Вентвортом о возможной... оценке некоторых предметов, если вдруг... если вдруг коллекция будет распро-
даваться. Чисто гипотетически! Я слышал только крик. Больше ничего!

- Вы не выходили?

- Нет! Клянусь!

Летиция Фэрчайлд была спокойна и даже несколько торжественна.

- Духи предупреждали. Темная энергия собралась здесь, сгустилась. Я чувствовала ее пульсацию. Я медитировала, пытаюсь установить контакт с теми, кто ушел, чтобы защитить нас. Но тени были сильнее. Они шептали о мести.

- Вы слышали что-то конкретное? Шаги? Голоса?

- Я слышала шепот камней этого дома. И видела... не глазами, а внутренним взором... стальной блеск в темноте. И цифры. Цифры плясали передо мной.

- Какие цифры?

- Три... - она загадочно произнесла. - Число завершения. Число судьбы.

Элис Бентон, тихая компаньонка, сказала ровно две фразы:

- Я была с мисс Фэрчайлд. Помогала ей готовить комнату для медитации. Затем сидела в углу и читала. Ничего не видела. Ничего не слышала, пока не раздался крик.

Доктор Уэстон был рассудителен и печален.

- Я рано лег, почитал. Услышал шум, подумал - кто-то упал. Вышел и увидел всю эту суматоху. Ужасная трагедия. Сэр Эдмунд был... сложным человеком, но никто не заслуживает такой кончины.

- У вас был ключ от шкафчика с кинжалом.

Он не смутился.

- Разумеется. Как у врача, у меня был доступ к некоторым... деликатным предметам коллекции, которые требовали особого обращения. Я проверял их сохранность. Кинжал был на месте сегодня днем, когда я заглядывал.

И, наконец, Вивиан. Мы были наедине, и маски упали.

- Я была в своей комнате, - тихо сказала она. - Думала. О списке. О докторе. О Брэдли. Я слышала чьи-то шаги в коридоре около половины третьего. Одиночные, быстрые. Но не могла сказать, чьи.

- Кто мог это сделать? - спросил я.

- Тот, кого Вентворт довел до предела. Брэдли - очевидный кандидат. Но он выглядит слишком потрепанным, даже для притворства. Реджинальд имел мотив - наследство и избавление от шантажиста. Но он трус. Доктор Уэстон... у него есть доступ и знания. Но зачем?

Антиквар Смит... он чего-то боится. Или на что-то надеется. Даже эта сумасшедшая старуха Фэрчайлд - она играет свою игру.

- А ты? - спросил я, глядя ей прямо в глаза.

Она не отвела взгляда.

- У меня был мотив. Он знал о моих подозрениях насчет мужа и, возможно, знал больше меня. Он был угрозой. Но если бы я убивала, мистер Эббот, я бы не стала использовать кинжал из его же коллекции. Это слишком... мелодраматично. И слишком очевидно.

Она была права. Все это было театром. Жестоким, кровавым, но театром. И кто-то из актеров перешел от слов к делу.

Закончив опрос, я вернулся в библиотеку. Они смотрели на меня, ожидая вердикта, разоблачения. Но у меня его не было. Только клубок противоречий.

- Ни у кого нет надежного алиби, - объявил я. - Все были одни или утверждают, что были одни. Кто-то лжет. Пока мы не установим, кто, все мы в опасности. Поэтому правила теперь такие: никто не ходит по замку в одиночку. Спим по двое в комнатах, двери запираются. Завтра, если метель утихнет, попробуем связаться с внешним миром. А сейчас... сейчас я осмотрю кабинет.

Я вышел под тяжелым молчанием. Они не доверяли мне. Но они боялись друг друга больше.

Кабинет был пуст и освещен одной лампой. Тело под простыней было зловещим белым холмом. Я подошел к столу. Бумаги лежали в полном порядке. Ничего не опрокинуто. Я осмотрел пол вокруг кресла. Никаких следов борьбы. Но у ножки кресла, почти под столом, я заметил крошечный осколок стекла. Я наклонился. Это был не стекло, а тонкий, прозрачный осколок фарфора или фаянса. Рядом с ним, на темном ковре, лежала едва заметная влажная тряпица. Я поднял ее. Кусочек мягкой белой ткани, похожей на батист, размером с пол-ладони. Он был чуть влажным и пах... мылом? Спиртом?

Я сунул находки в карман. Потом подошел к камину. Пепел был холодным. Но на решетке лежал один-единственный, почти полностью истлевший клочок бумаги с обугленными краями. На нем угадывались два слова: «...счет В...»

И тут мой взгляд упал на часы на каминной полке. Массивные, бронзовые, с римскими цифрами. Стрелки показывали без пятнадцати три. Но я вспомнил: когда я вбежал сюда, увидев тело, мне мельком показалось, что они показывали ровно три. Я присмотрелся. Минутная стрелка была чуть-чуть, на волосок, сдвинута от отметки «XII». Кто-то задел часы? Или... кто-то их передвинул?

Я вышел из кабинета, закрыв дверь на ключ из связки Грейвза. В кармане у меня лежали осколок, влажная тряпица и обгоревшая бумажка. Первые улики в игре, где ставкой была жизнь. И я знал одно: убийца был здесь, среди нас. И он смотрел на меня сейчас, пытаюсь угадать, сколько я уже знаю.

Вернувшись в библиотеку я застал странную сцену. Все сидели молча, но капитан Брэдли подошел к окну, отодвинул тяжелую портьеру и замер, уставившись в черную гладь ночного стекла. Потом он резко отшатнулся, и на его лице, отразившемся в стекле, я увидел не ужас, а недоумение.

Глава 6

Первая кровь

Слово «лицо», беззвучно сорвавшееся с губ капитана Брэдли, повисло в библиотеке, как призрак. Все повернулись к нему. Летиция Фэрчайлд замерла с раскрытым ртом, Реджинальд Вентворт нервно заерзал в кресле.

- Что ты сказал, Брэдли? - хрипло спросил он.

Капитан стоял у окна, не в силах оторвать взгляд от черноты за стеклом. Он медленно, будто в трансе, повернулся к нам. Его лицо, обычно грубое и красное, было пепельно-серым.

- Я видел... - он проглотил комок в горле. - В окне... не в этом, в соседнем коридоре... лицо. Его лицо.

- Чье лицо? - подошла ближе Вивиан, ее голос был острым и ясным, как скальпель.

- Вентворта. Сэра Эдмунда. - Капитан засмеялся коротким, истеричным смешком. - Он стоял там, в темноте, и смотрел на меня. А потом... потом растворился.

В комнате повисло гробовое молчание, нарушаемое только потрескиванием поленьев в камине и тяжелым дыханием капитана.

- Привидение, - прошептала Летиция, и в ее голосе зазвучало нечто похожее на торжество. - Я же говорила! Духи не находят покоя! Его дух бродит по коридорам, не желая уходить!

- Это не дух, - резко сказал я, заглушая нарастающую панику. - Это либо ваше воображение, капитан, от усталости и стресса, либо чья-то очень реальная и очень циничная игра. - Я обвел взглядом всех присутствующих. - Нас сейчас в поместье одиннадцать человек. Один мертв. Никто не мог быть в двух местах одновременно. Значит, либо капитан ошибается, либо кто-то хочет, чтобы мы поверили в призраков. И это опаснее любой сверхъестественной чепухи.

Мои слова, кажется, немного отрезвили их. Капитан Брэдли мрачно опустил в кресло, уставившись в свои дрожащие руки. Но семя сомнения было посеяно. Страх перед необъяснимым всегда сильнее страха перед человеческой злобой.

- Грейвз, - обратился я к дворецкому, стоявшему у двери. - Вы слышали или видели что-то необычное? Кого-либо в коридорах?

- Нет, сэр, - ответил он невозмутимо. - После того как я принес простыню и отдал ключи, я находился в своей комнате рядом с кухней до тех пор, пока не услышал общий шум и не присоединился к вам.

Он лгал? Или говорил правду? Его лицо ничего не выражало.

- Хорошо, - сказал я, чувствуя усталость, давящую на виски. - Правила остаются в силе. Никто не ходит один. Спать будем по двое. Я предлагаю следующее распределение: мистер Вентворт с женой, разумеется, остаются вместе. Капитан Брэдли - с доктором Уэстоном. Мистер Смит - с Грейвзом. Мисс Фэрчайлд с мисс Бентон. А я... - я сделал паузу, - я останусь в библиотеке, чтобы быть начеку. Миссис Локхарт, если вы не против, я попрошу вас также остаться здесь. Двое бодрствующих будут сменяться через несколько часов.

Это было рискованно - оставаться наедине с Вивиан на виду у всех. Но это был и вынужденный ход. Мне нужен был союзник, с которым можно было думать вслух. И ее медицинские познания могли пригодиться. Никто не возразил. Шок и усталость взяли свое. Все молча разошлись по своим новым комнатам, унося с собой груз страха и подозрений.

Когда библиотека опустела, остались только мы двое, огонь в камине и давящая тишина ночного замка. Я подбросил поленьев, пламя оживило, отбросив на стены танцующие тени книжных шкафов.

- Двойник, - тихо проговорила Вивиан, устроившись в кресле напротив. Она сняла туфли и поджала под себя ноги, и в этом жесте была внезапная, уязвимая усталость. - Это либо галлюцинация, либо чья-то блестящая и безумная идея.

- Брэдли не тот человек, у которого богатое воображение, - заметил я. - Он солдат. Видит то, что видит. Если он говорит, что видел лицо Вентворта, значит, он видел *что-то*.

- Маска? Театральный грим? При определенном освещении, в потемках...

- Возможно. Но зачем? Напугать Брэдли до смерти? Он и так на грани. Или... - меня осенило, - или отвлечь. Создать сверхъестественную версию, чтобы мы не искали реального убийцу.

- Это слишком сложно, - покачала головой Вивиан. - Убийство совершено простым и эффективным способом. Зачем усложнять спектакль такими тонкостями, как призраки?

- Потому что убийца наслаждается, - мрачно сказал я. - Вспомни, что говорил Вентворт: «Я хочу, чтобы мои экспонаты взаимодействовали». Убийца, кто бы он ни был, перенял эту роль. Он не просто устранил угрозу. Он ведет игру. И мы все в ней пешки.

Я достал из кармана то, что нашел в кабинете: осколок фарфора, влажный лоскуток и обгоревший клочок бумаги. Разложил их на низком столике между нашими креслами.

- Улики. Ничего не говорящие, но они были там.

Вивиан взяла влажный лоскут. Потерла его между пальцами, поднесла к носу.

- Спирт. Медицинский. И что-то еще... камфорное масло, кажется. Им протирают кожу или инструменты.

- Как у врача, - заметил я.

- Или у человека, который только что пользовался хирургическими инструментами из коллекции, - парировала она. - Они хранятся в спирту. А осколок...

Она взяла его, поднесла к свету лампы. Это был тонкий, изящно изогнутый осколок, с голубой полоской по краю.

- Фарфор. Дорогой. Похож на ободок от чашки или блюда. Возможно, из того сервиза, что стоит на полке в кабинете. Его разбили. Или уронили.

- А потом убрали все остальные осколки, - заключил я. - Но этот закатился под кресло. Значит, в кабинете что-то происходило перед убийством. Разговор? Чаепитие? Ссора?

- И этот клочок, - Вивиан развернула обгоревшую бумажку. «...счет В...» - Счет В. Как в том списке, что мы видели. «Специальный счет В». Это что-то финансовое. Возможно, тот самый счет, который вел бухгалтер Пикенс.

- Пикенсу есть что скрывать, - вспомнил я. - Он выглядит самым испуганным из всех. Даже больше, чем Брэдли. И он единственный, кроме нас, кто знал о существовании этого

счета из списка. Если убийца ищет что-то... возможно, он ищет доказательства, связанные с этим счетом.

Мы сидели в тишине, обдумывая. Огонь в камине догорал. Ветер снова усилился за окнами, завывая в трубах.

- Тебе не кажется странным, - начала Вивиан, глядя на пламя, - что тело нашли в кабинете? Место, полное ценностей, но в то же время - его крепость. Он вел там свои дела, хранил свои секреты. Почему он пустил туда убийцу? Или убийца вошел без приглашения?

- Дверь не была взломана, - сказал я. - Значит, он либо открыл ее сам, либо у убийцы был ключ. У Грейвза был дубликат. У доктора Уэстона - доступ. У... - я запнулся, - у кого еще могли быть ключи?

- У того, кто давно и хорошо знал дом, - тихо ответила Вивиан. - У Реджинальда. У Брэдли, который служил с ним. Даже у Летиции - она старая знакомая семьи. Антиквар Смит мог что-то подобрать или подделать.

- Слишком много вариантов, - вздохнул я. - Нам нужен прорыв. Нужно поговорить с Пикенсом. Сейчас. Пока убийца не добрался и до него.

Я посмотрел на часы. Без четверти пять. Ночь медленно отступала, но до рассвета было еще далеко.

- Я пойду разбужу его. Ты останешься здесь.

- Нет, - решительно сказала Вивиан, вставая. - Ты не пойдешь один. Правила для всех. И я хочу услышать, что он скажет.

Мы вышли в коридор, взяв с собой одну из ламп. Замок спал, но этот сон был чутким, полным скрытых угроз. Комната мистера Пикенса находилась на втором этаже, в тихом крыле над библиотекой. Я постучал тихо, но настойчиво. Ни ответа. Я постучал сильнее.

- Мистер Пикенс! Это Джеймс Эббот. Нам нужно поговорить!

Тишина. Я попробовал ручку. Дверь была заперта изнутри. Ледяное предчувствие сжало мне горло. Я отступил и с размаху ударил плечом в область рядом с замком. Старое дерево затрещало, но выдержало. Вивиан, не говоря ни слова, сняла со стены тяжелый чугунный подсвечник. Я взял его, взвесил в руке и нанес точный удар по замку. Дерево вокруг него раскололось, и дверь с скрипом распахнулась.

Комната была в полумраке. На узкой кровати, поверх одеяла, лежал мистер Пикенс. Он был одет в ночную рубашку. Его очки аккуратно лежали на тумбочке. А из его груди, прямо над сердцем, торчала рукоять еще одного кинжала из коллекции Вентворта - на этот раз короткого, с широким лезвием, похожего на ритуальный ассасинский клинок. Кровь, темная и липкая, растеклась по грубой ткани рубашки, образуя ужасающее алое пятно.

Я застыл на пороге, не в силах сделать шаг. Рядом со мной Вивиан подавила крик, зажав ладонью рот. Ее глаза были полны ужаса, но не паники. Она шагнула вперед, к кровати, и, преодолевая отвращение, прикоснулась к шее Пикенса.

- Мертв, - прошептала она. - Тело еще теплое. Убит недавно. Час, может, два назад.

Я вошел в комнату, лампой осветив пространство. Никаких признаков борьбы. Все аккуратно. На маленьком письменном столе лежали аккуратные стопки бумаг, рядом - чернильница и перо. Но одна папка была выдвинута, а несколько листов лежали в беспорядке.

Я подошел. Это были финансовые отчеты, счета. И один лист, лежавший поверх всего, был чистым. Но в его центре, аккуратно поставленная, стояла печать. Круглая, с инициалами «Э.В.». Печать сэра Эдмунда.

И на чистой бумаге под печатью было выведено то же слово, что и на записке у Вивиан:

«ЛЖЕЦ»

Но на этот раз оно было написано не чернилами. Оно было написано кровью. Кровью мистера Пикенса.

Я почувствовал, как мир наклоняется. Вторая смерть. Уже не хозяина, а тихого, незаметного бухгалтера. Почему? Что он знал? Что он нашел? Или что он собирался сказать?

- Смотри, - тихо позвала Вивиан. Она стояла у камина. На каминной полке лежала небольшая, тонкая книжечка в кожаном переплете. Похожая на записную. Она была раскрыта. Вивиан взяла ее, не касаясь страниц руками, и поднесла к свету моей лампы.

На левой странице были колонки цифр, сокращения. На правой - несколько строчек текста, написанных мелким, аккуратным почерком Пикенса:

«Счет "В" закрыт. Последний перевод 18.11. Получатель - приют "Св. Агнессы" в Пензансе. На имя Э.В. (инициалы совпадают?). Связь с Д.В. (дочь?) требует проверки. Слишком рискованно. С.Э.В. начинает подозревать. Надо предупредить...»

Запись обрывалась. Не дописана. Как будто его прервали.

- Приют, - прошептала я. - Дочь. Э.В. - Эдмунд Вентворт? Или... кто еще? Д.В. - дочь Вентворта? Но он говорил, что дочь умерла.

- Или это не его дочь, - сказала Вивиан, и ее глаза сузились. - А чья-то еще. Тот, кто платил через этот счет. Пикенс что-то понял. Что-то, связанное с этим приютом, с этими инициалами. И собирался кого-то предупредить. Возможно, самого Вентворта. Или... кого-то из гостей.

- И его убили, чтобы он этого не сделал, - закончил я. - Он стал второй жертвой, потому что знал слишком много о первом убийстве. Или о его мотиве.

Мы стояли среди смерти, держа в руках ключ к разгадке, который мы еще не могли прочитать. Пикенс был убит тем же методом - кинжалом из коллекции. Но на этот раз была оставлена печать и надпись кровью. Послание. Убийца не просто скрывал следы. Он общался. Указывал. Насмехался.

Внезапно сзади раздался шум. Мы обернулись. В разбитом дверном проеме, в свете наших ламп, стояли несколько человек. Их разбудил шум взлома. Реджинальд Вентворт, бледный как полотно. Доктор Уэстон, с тростью в дрожащей руке. И капитан Брэдли, чье лицо выражало уже не страх, а тупое, животное отчаяние.

- Господи... - выдохнул Реджинальд, уставившись на тело. - Еще один...

- Все назад! - снова скомандовал я, но в голосе уже не было прежней уверенности. - Не входить! Это место преступления!

- Преступления? - прошипел капитан Брэдли. Его глаза были прикованы к кинжалу в груди Пикенса. - Это бойня! И мы все в ней заперты! Кто следующий? Я? - Он дико оглядел нас. - Он убивает нас по одному! Или... - его взгляд упал на меня, затем на Вивиан, - или это делаете вы двое. Вы были одни. Вы нашли тело. Опять.

Атмосфера накалилась мгновенно. Подозрение, тлевшее под пеплом шока, вспыхнуло ярким пламенем. Доктор Уэстон и Реджинальд невольно отступили от нас на шаг.

- Мы пришли его расспросить, - твердо сказала Вивиан. - И нашли уже мертвым. Если бы мы были убийцами, разве стали бы мы ломать дверь и привлекать внимание?

- Чтобы отвести подозрения! - выкрикнул Реджинальд. - Это же очевидно! Вы - посторонние! Вы знаете друг друга всего день! А у всех нас... у всех нас были причины бояться дядюшки, но убивать... - он замолк, глядя на тело бухгалтера. - Зачем убивать Пикенса? Что он мог знать?

- Именно это мы и пытаемся выяснить, - холодно сказал я. - И если вы не хотите стать третьим, мистер Вентворт, советую вам успокоиться и подумать. Убийца среди нас. И он явно не остановится. Наша единственная безопасность - в логике, а не в истерике.

Я подошел к столу и, используя край записной книжки Пикенса, сдвинул окровавленный лист с печатью, чтобы они увидели.

- Убийца оставил сообщение. Он играет с нами. Или с кем-то конкретным. - Я посмотрел на Вивиан. Надпись «ЛЖЕЦ» была адресована явно ей.

К нам присоединились остальные: Летиция Фэрчайлд с зажженной свечой, за ней - перепуганная Элис Бентон, Оливер Смит и, наконец, Грейвз. Они толпились в дверях, вглядываясь в мрак комнаты, и их лица, освещенные дрожащим светом, были масками ужаса.

Я понял, что теряю контроль. Смерть Пикенса, найденная мной и Вивиан, бросила на нас тень. Надо было действовать быстро и решительно.

- Грейвз! - бросил я. - Немедленно принесите все простыни, какие есть. Мы накроем тело. Доктор Уэстон, миссис Локхарт - осмотрите комнату, но ничего не трогайте. Остальные - все в библиотеку. Сейчас же. И не вздумайте расходиться.

На этот раз в моем голосе зазвучала сталь, рожденная отчаянием. Они послушались, медленно, как сомнамбулы, потянувшись вниз. Я остался на мгновение один в комнате с двумя женщинами и доктором. Перед тем как выйти, я взглянул на камин. Огонь в нем был давно потушен, но на решетке, как и в кабинете Вентворта, лежал маленький клочок обгоревшей бумаги. Я быстро поднял его пинцетом из медицинского набора Вивиан, который она, к моему удивлению, принесла с собой. На клочке угадывалась часть рисунка - схематичное изображение ключа.

Я сунул его в карман вместе с первым обгоревшим клочком. Два огня. Два пепла. Два ключа к тайне, которую кто-то пытался сжечь.

В библиотеке царила паника. Летиция Фэрчайлд бормотала заклинания, Реджинальд пил вино прямо из графина, капитан Брэдли снова уставился в окно, будто ожидая увидеть очередное видение. Оливер Смит, казалось, съезжился, стараясь занять как можно меньше места. Я встал перед камином, чувствуя тяжесть их взглядов. Доверие было потеряно. Теперь я был для них не спасителем, а самым удобным подозреваемым. Надо было вернуть инициативу.

- Внимание, - сказал я, и в тишине мои слова прозвучали громко. - Мистер Пикенс убит. Убит тем же способом, что и сэр Эдмунд - кинжалом из коллекции. Но на этот раз убийца оставил печать и надпись. Он не просто убивает. Он ставит метки. Обвиняет. - Я посмотрел на Вивиан. - Надпись «ЛЖЕЦ» была адресована миссис Локхарт. Но это может быть ловушкой, чтобы направить подозрения на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.